

Мир Карантина

16+

ХОРОШИЕ УБИЙЦЫ 3

Поход за колтаном

Дмитрий
Леонидович

Хорошие убийцы

Дмитрий Леонидович

**Хорошие убийцы 3.
Поход за колтаном**

«Автор»

2022

Леонидович Д.

Хорошие убийцы 3. Поход за колтаном / Д. Леонидович — «Автор», 2022 — (Хорошие убийцы)

Это воспоминания о будущей войне. Той войне, контуры которой уже нарисованы на теле планеты. Герои книги ходят на войну, как на работу. Потому что это и есть их работа, просто рабочий день у них ненормированный. В этой книге вы узнаете:— Почему будет уничтожена королевская семья Англии и Уэльса— Как и ради чего создаются империи в Африке— Как много эффективных способов убийства практикует человек цивилизованный. Всё, что описано здесь, уже происходило, или происходит прямо сейчас, или произойдет в ближайшем будущем. Продолжение истории Санты, который был дизайнером, а стал командиром.

© Леонидович Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
1. Наши планы	6
2. Задача, спущенная сверху	10
3. Дорога по Катанге	15
4. Земля революционеров	20
5. Идея революционного похода	25
6. Поход за золотом 1.0, тупиковое шоссе	30
7. Поход за золотом 1.1, заслон у реки	33
8. Поход за золотом 1.2, долина Лукуги	36
9. Поход за золотом 1.3, Ниамба, бизнес и личные дела	40
10. Поход за золотом 1.4, Ниенцу	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Леонидович

Хорошие убийцы 3. Поход за колтаном

Пролог

– Милый, что происходит? – Ирина выглядела напуганной.

Она протягивала мне планшет с открытой новостной лентой. Я взял.

Заголовки новостей ползли по странице сплошным потоком.

В главном блоке высвечивалось: «Удар террористов уничтожил королевскую семью Англии и Уэльса».

Я начал просмотр с этой новости. Резиденция королевской семьи уничтожена ударом ракеты с ядерным зарядом. Погибли все: дряхлый король, престарелые принцы, седая принцесса, внуки, правнуки, родственники, слуги, комнатные собачки, – вообще все.

Система ПРО не защитила, потому что была к тому времени уничтожена. Террористы перехватили контроль над одним из старых военных спутников, запустили лазер с ядерной накачкой и уничтожили все объекты ПРО Англии и Уэльса.

Ира села мне на колени, заглядывая в планшет.

Следующее важное сообщение: «Администрации Русского, Китайского и Североамериканского секторов приняли решение о совместном ударе по разветвленной сети международных террористов. Среди руководителей террористов есть богатейшие люди планеты и представители английской аристократии».

Я погладил рукой спину моей женщины. Она чуть расслабилась. Бросил взгляд на столбец заголовков:

– Ракетным ударом уничтожена резиденция лорда... – таких было много, они отличались только фамилией лорда.

– Волна, возникшая из-за землетрясения, смыла все население небольшого острова в Тихом океане. Остров был полностью занят элитными поместьями. Риэлторы прогнозируют падение цен на тропические острова.

– Террористы запустили в сеть компьютерный вирус, который убил значительное количество английских военных и государственных служащих, лежащих в капсулах дополненной реальности. Вирус обманул датчики капсулы, из-за чего те впрыснули в кровь пользователей убойную дозу питательных веществ и медикаментов.

– Ракетный удар уничтожил базу террористов на Гибралтаре.

Я отложил планшет и выбрал плод из корзинки с персиками.

– Кучно пошло, – выразил я свое мнение о происходящем.

Интуиция мне говорила, что всё это – следствие одной нашей командировки. Той самой, перед которой нам вручили небольшой ядерный заряд и сказали, что возвращаться не нужно.

– Это что, война? – Ирина нервно кусала губы.

– Да нет, какая война, успокойся. Пишут же – террористы. Не могут же СМИ врать.

– Что это за террористы, если по ним три сектора ракетными ударами лупят?

Я вздохнул:

– Такие вот матёрые террористы.

1. Наши планы

У нас в столовой случилось стихийное собрание миноритарных акционеров. У нас – это в нашем виртуальном корпоративном пространстве.

Из операции в Судане нас вывели. Мы отдохнули после нее. «Звездочек» и премий нам отсыпали за ту операцию щедро.

В Конго кончался сезон дождей.

Пора было двигаться дальше.

Наша команда в полном составе собралась пообедать и обменяться новостями, но тут пришло сообщение о регистрации нашей военной компании «Реальные операции». Я вызвал Пупса, чтобы сообщить ему эту новость и обсудить ее в узком кругу.

– Итак, девушка и парни, наша военная компания зарегистрирована по законам Русского сектора. Лицензии на оружие и передача имущества оформляются, вопрос нескольких дней. Самое время определиться, что мы будем делать дальше.

– Так контрольный пакет у государства, что скажут – то и будем, нет? – это Толстяк выдал.

– Я сразу кое-что разьясню, – отозвался Пупс. – У государственных структур в сумме 51% акций. Но есть нюансы. Пятнадцать процентов находятся в собственности Службы санитарного контроля, десять – у Администрации сектора, у госкорпорации «Дополненная реальность» – десять, у «Новой реальности» – тоже, шесть – у Института кибернетики. Это контора, которая разрабатывала наши механические тела.

Парень сделал паузу, чтобы все вникли, и продолжил:

– Акциями ССК распоряжается Санитар, всем нам хорошо известный. При принятии решений, которые скажутся на финансовом благополучии и будущем нашей компании, он нас обижать не станет.

Пупс ехидно улыбнулся.

– Вы можете спросить – а если с Санитаром что-то случится? И я вам отвечу: при необходимости мы сможем продать наши интересы через Институт кибернетики, потому что этот институт начал совместный с моей собственной компанией проект, мы будем заниматься гражданскими доработками к кибернетическим телам.

– Это какими именно? – любопытствовал Дедун.

– Мы разработаем тело с функционирующими органами для секса. Мужское на первом этапе.

– Я думал, ты просто трепался за пивом, когда говорил, что сначала любое изобретение пытаются применить для войны, а сразу после этого – для секса.

– Не трепался. Более того, в ближайшее время я не смогу активно участвовать в работе «Реальных операций», потому что мне придется лично заниматься разработками. У меня есть в этой теме кое-какой задел, еще со старых времен.

Парни немного пошутили на тему кибернетических членов, которые мы все будем ждать с нетерпением, и успокоились.

– Вернемся к нашим делам, – продолжил я. – Нам нужно определиться, куда мы хотим развиваться. Сначала предлагаю выслушать Будду. Он прикидывал, как превратить нашу перегруженную дорогой кибернетикой группу в максимально боеспособную и сбалансированную по затратам военную силу.

Будда сел ровно, собрался с мыслями.

– Эту тему мы уже обсуждали. Наши механические тела стоят безумных денег, а боевая эффективность у них ненамного отличается от хорошего солдата-человека. Частично эту проблему снимает использование самой современной техники. Тот же броневик или «Черепеха»

в разы дешевле тела-робота, имеют более серьезное вооружение. Соответственно, если основной удар наносить техникой, наша группа становится менее затратной и более эффективной. Плюс к этому, у нас раньше не было в Конго средств против удара серьезного противника, даже не уровня соседних государств, а просто группы с серьезной артиллерией.

Будда сделал паузу. Промочил горло чаем.

– По этим причинам мы закупили новую технику. Она уже пришла. Сейчас у нас есть в наличии для обороны нашей базы: стационарная система управления боем, периметр с камерами и пулеметами, система ПВО – два «Панциря». Для борьбы с дальней крупной угрозой есть машина «Град» с запасом ракет различного назначения. В том числе – кассетного типа с высокоточными планирующими минами. Максимальная дальность – сорок километров. Есть более дешевые ракеты, в том числе обычные, неуправляемые, для удара по площадям. Кроме «Града» еще есть пять ракет типа «земля-земля», для уничтожения бронетехники, они бьют на двадцать километров.

Будда вздохнул. Все слушали.

– Из бронетехники у нас теперь пять броневиков со скорострельными 30-миллиметровыми пушками. Четыре гусеничных «Черепихи» с единым пулеметом, две с ПТУР, две с минометами. К минометам есть высокоточные мины и обычные. Обычные – в несколько раз дешевле.

Для поддержки операций на больших расстояниях от базы мы взяли машину управления боем, смонтированную на броневике. То есть броневиков у нас всего шесть, с этим вместе.

И авиация: два разведывательных крыла «Солнечный зайчик», одна универсальная машина поддержки БПЛА, восемь стрелковых дронов, пять ударных беспилотников-камикадзе.

Танки, крупнокалиберные пушки и монстров типа «Солнцепака» не брали – тут нет ни целей для них, ни дорог.

Как-то так, – закончил Будда перечень техники. – Такая техника делает нас доминирующей ударной силой в этом регионе. Но наши возможности контроля местности остаются низкими – у нас нет пехоты. Поэтому предлагаю не изобретать велосипед и начать обучение туземных войск.

– А где мы возьмем туземцев? – удивилась Малышка.

– Вот как раз с этим у нас проблем нет. После того, как мы спасли подшефные деревни от эпидемии, отношение к нам очень лояльное. Они реально готовы воевать за нас. В городке Мокамбо тоже, после того, как мы их от банды освободили. Мало того, что они нам благодарны, каждый местный парень с радостью пойдет под знамена тех, кто умеет побеждать. А если мы им еще денег заплатим – оружие возьмут вообще все, даже некоторые женщины.

Сравните: местный боец обойдется нам в пять монет в месяц, плюс боевые премии, плюс расходы на автомат и патроны. А одно кибернетическое тело, хоть и способно перебить десятки местных бойцов, но и стоит шестьдесят тысяч. Такая вот экономика – в контактной войне наши роботы нерентабельны.

– Кстати, в горнодобыче та же проблема, – очнулся Пупс. – У нас на шахте всё роботизировано. Конечно, сервисные роботы в разы дешевле наших тел, но если мы хотим расширять добычу и повышать ее рентабельность, придется или нанимать местных, или, по примеру китайцев, просто скупать руду у нелегальных копателей.

– С добычей чуть позже, – остановил его я. – Давайте решим по поводу туземцев.

– Надо набирать и учить. В этом сухом сезоне они будут просто мясом, а вот в следующем – станут нормальной боевой силой. Даже неплохой, по местным меркам.

– Сколько их нужно?

– От задач зависит. Но меньше сотни учить бессмысленно, а больше – не справимся.

– Есть возражения? – я обвел взглядом всех. – Значит, набираем и учим. Пинок – ты набираешь людей и организуешь, Дублон, Дедун, Бонус – преподаете, остальные по своей специальности поучаствуют.

– О наших военных возможностях поговорили, теперь о перспективах превратить их в прибыль. Пупс, ты вроде какое-то исследование обещал заказать?

– Сделали исследование.

Пупс развернул на стене большой экран с картой Конго.

– Наша база находится на краю Африканского медного пояса. Тут много месторождений меди, кобальта, олова. Ну и по мелочи всякое. Более того – от нас на северо-запад идет геологическая складчатая структура, в которой эти месторождения выпячиваются на поверхность. Поэтому многие разрабатываются карьерным способом. Вся наша провинция, Катанга, – это сплошные месторождения. До пяти процентов мировой добычи меди, больше половины – кобальта.

– Мы вообще-то военная компания, – выразил недоумение Пинок.

– Да. Мы – военная. Я уже говорил о распределении акций и контроле над «Реальными операциями». Контроль над акционерным капиталом у нас. Но сейчас государство держит нас за яйца двумя руками: с одной стороны оно может прекратить продавать нам патроны и оружие, с другой – мы зависим от его заказов. С патронами еще можно что-то сделать, хоть бы и у китайцев покупать. А вот с заказами – ничего. Поэтому нам нужно получить другие источники дохода. Здесь единственный крупный источник – добыча руды.

– И как ты предлагаешь получать источники доходов? Тут всё поделено.

– Для начала, я думаю, надо расширять зону нашего контроля. Увеличивать количество подшефных деревень. Они будут копать кобальт и продавать его нам, а мы – защищать их и лечить от эпидемий. Будем развивать идею военно-медицинского контроля.

Я бросил взгляд на Малышку. Та сидела спокойно, видимо, с ней Пупс это уже обсуждал.

– Откуда мы возьмем врачей? Силы Малышки не безграничны.

– Нам не нужны врачи, – ответила Малышка. – Я тут подумала, и вот: тут есть, конечно, туберкулез, последствия неправильного питания, отравления пылью в шахтах и прочие болезни. Но основные причины смертности – эпидемии. Их можно грубо разделить на две группы: тропические вирусные лихорадки, которые распространяются комарами, и вирусные болезни, которые распространяются при контакте. С первой группой настоящее лечение дорогое, сложное и неэффективное. Поэтому мы можем предложить только поддерживающие процедуры – выпаивание соляным раствором, жаропонижающие средства, снятие симптомов. Даже этого достаточно, чтобы снизить смертность в разы. В случае контактных болезней – всё то же самое, но еще и меры по карантину и изоляции больных можно применять, они еще важнее.

Девушка отпила из чашки, чтобы смочить горло.

– Ну и вот. Для всего этого не нужно врача. Нужны санитарки. И еще акушерки – рожают здесь часто и помногу. В подшефных деревнях я таких санитарок уже обучила. Могу и в других обучить. А дальше – при начале эпидемии я перепрыгну в резервное тело в деревню, поставлю диагноз. А потом уже санитарки будут помогать больным. Сложные случаи сама буду смотреть. В засуху можем договориться с деревнями, нанять и начать обучать медсестер, к сезону дождей еще штук пять деревень можем принять под свое крыло.

Я прикинул. Такими темпами мы будем расширять свою зону медленно. А ведь ее и защищать надо.

– Сейчас в каждой деревне мы держим по комплекту наших тел. Это очень дорого, доход от добываемой руды не сможет это окупить.

Ответил Будда:

– Просто нам не надо столько комплектов. Оставить в деревне два тела – одно для Малышки, второе для Суслика. И поставить одну «Черепашу». А еще обязать местных выделить людей в охрану, человек двадцать, и эту охрану учить. Заодно будут расширяться наши туземные войска.

Мысль была перспективная. При таком расширении имеющихся комплектов тел нам хватит на контроль двух-трех десятков деревень.

– Ладно, теперь я внесу новую струю в наше обсуждение, – заявил я. – У меня две новости. Во-первых, со мной связывался мэр Мокамбо. Наша разведка передала ему доказательства того, что европейцы участвовали в действиях банды, которая захватывала его город. Мэр оказался мужиком обидчивым и жестким, теперь той горнорудной компании больше в городе не рады. От нее остался складской комплекс около железнодорожной станции, большой карьер, где добывают медную руду, и обогатительное оборудование. Всё это мэр предлагает взять нам.

– Он такой добрый? – удивилась Малышка.

– Нет. Он просто совершенно правильно решил, что если у нас будут интересы в Мок-амбо, следующая банда не то, что захватить, она до него даже не доедет.

– Надо брать, – отозвался Пупс. Остальные покивали головами.

– И вторая новость. Неоднозначная. Со мной связывались люди из столицы провинции, Лубумбаши. Они интересовались, поддержим ли мы их, если они захотят отделиться от Конго. Я изучил эту тему. Катанга пыталась отделиться от Конго неоднократно, начиная с момента признания независимости страны. Очень уж жирный кусок и далеко от столицы. Периодически сепаратисты брали провинцию, при поддержке иностранцев. Потом их обратно загоняли в общее государство. Сейчас правительство в Киншасе контролируют американцы, правительство Лубумбаши имеет плотные контакты с европейскими горнорудными компаниями, но Европа почти ничего в военном смысле не значит.

– Что предлагали? – Пупс поинтересовался.

– Как всегда. Мы им военную поддержку. Они нам концессии.

– Большие деньги. Тут, кстати, кроме меди и кобальта, в полутора сотнях километров за Лубумбаши, есть еще один интересный объект – самая большая в мире урановая шахта. Американцы в годы холодной войны из нее десятки тысяч тонн урановой руды получили. Официально шахта уже выработана и запечатана бетоном, но порода там настолько богатой была, что даже в отвалах содержание урана выше, чем в месторождениях других стран. Там сейчас местные кустарно добывают что-то, надо смотреть. Может, стоит саму шахту вскрыть и идти вглубь – технологии добычи с тех пор улучшились.

Будда вставил:

– Как бы мировую войну случайно не начать. Надо с Санитаром советоваться. Да и с военными – тоже. Без их одобрения нельзя в такие дела соваться.

– Зовем Санитара?

2. Задача, спущенная сверху

Санитар, что необычно, откликнулся и пришел сразу. Был он чрезвычайно задумчив.

– Катангу отделить от Конго? В принципе, можно. Только не сейчас. Эти хитро сделанные сепаратисты подставят вас под удар, а сами будут выжидать. А американцы пришлют технику для армии Киншасы, и что тогда? У вас сил не хватит. Пока отложите, скажите этим заговорщикам, что вопрос серьезный, требует подготовки и проработки. И предоплаты.

– То есть в принципе вы не против?

– В принципе – нет. Но не сейчас. Сейчас есть более важная задача. Критически важная. Все притихли.

– Решено брать под ваш контроль добычу колтана в «кровавом треугольнике».

И замер, как будто мы должны понимать, о чем он.

Я кое-то читал об этом, но серьезно интересоваться тем, что происходит в тысяче километров, времени не было.

Санитар понял, что нужна подробная вводная.

– Колтан – руда, содержащая ниобий и тантал. Тантал необходим для производства миниатюрных электронных комплектующих. Без него любой комм или планшет будет иметь габариты небольшого чемоданчика. А тот блок связи, который встроен в ваши тела, вы будете носить в ранце.

Мы прониклись важностью этого ресурса.

– Сейчас 80% танталовой руды в мире добывают кустарным способом в треугольнике, который примерно соответствует границам провинции Киву на востоке Конго. На севере он чуть дальше заходит, до границы Уганды.

– Это тысяча километров от нас. И огромная территория.

– Уж как получилось. Если бы мы сразу сунули вас в тот район, вас бы сразу смели, это настоящая жопа планеты. А здесь места спокойные, цивилизованные, вы смогли привыкнуть к местной специфике.

– Цивилизованные? – больше всех удивилась Малышка. – Банды, нападающие на деревни и насилующие всех подряд?

– Именно. Здесь – цивилизованные и спокойные. Всё в мире относительно. Слушайте короткую историческую справку:

Как раз в то время, когда распространение мобильных телефонов вызвало рост спроса на тантал, произошла резня в соседней Руанде. Правительство Руанды, относящееся к народности хуту, вело гражданскую войну с народностью тутси. В один прекрасный момент они решили, что если вырезать всех тутси, их женщин взять в рабство и насиловать, а имущество отобрать – это будет отличная идея. Начался организованный геноцид, горячо поддержанный населением хуту. Вырезали порядка миллиона человек. Те тутси, которые не могли сопротивляться, бежали в Конго. Будущее показало, что соседи они неблагодарные и если бы конголезские войска встретили их на границе пулями, они избавились бы от многих проблем.

Дальше войска тутси, ведущие гражданскую войну в Руанде, перешли в наступление и захватили половину страны, а потом и власть. Но беженцы-тутси домой не вернулись, они остались в Конго. К ним добавились беженцы-хуту, которые спасались от мести новой власти.

Всего через несколько лет беженцы-тутси подняли мятеж в Конго. Их поддержало правительство Руанды, и они захватили треть Конго. Еще треть захватила Уганда. В войну за колтан втянулось девять стран, ту войну назвали Великой Африканской. Из-за боевых действий, голода и эпидемий вымерло пять миллионов человек. В конце концов, формальную власть пра-

вительства над этой территорией восстановили, но восстания повторялись еще неоднократно. По сути, война всех против всех в этом районе полностью не утихала десятки лет.

Санитар материализовал себе стакан с чем-то жидким, жадно выпил.

– Это все общие слова. Чтобы понимать, как это выглядит в жизни, посмотрите отчеты разведки и аналитиков. Если кратко, за полвека войны в регионе выбито практически все мужское население. Бегающие по лесам банды убили и сожрали всех слонов, жирафов и горилл. И пигмеями не брезговали. Теперь это страна женщин и детей. Женщины копаются на огородах, носят породу на шахтах, дети эту породу промывают. Когда дети становятся подростками, они уходят в одну из военных группировок. Им дают автомат и посылают убивать. Большинство вскоре погибает, мало кто доживает до совершеннолетия.

– А откуда тогда дети берутся? – Дедун удивился.

– А дети берутся, потому что там происходит поголовное сексуальное насилие. Боевики берут любую женщину, которую хотят. У них даже есть поверье, что тот, кто изнасиловал женщину, становится сильнее и не погибнет в следующем бою.

– Кошмар какой, – сделала круглые глаза Малышка.

– Феминистки мечтали жить без мужчин, но что-то пошло не так... – задумчиво произнес Толстяк.

– За полвека войн сменились поколения, и такая жизнь стала для них обычной. Они другой не знают.

Санитар замолчал, потом добавил:

– В этом регионе еще и постоянные эпидемии: климат влажный, комаров много, муха цеце, неограниченный секс, постоянная миграция. Смертность потрясающая, гораздо выше, чем в Катанге. Чтобы ее компенсировать, идет постоянный приток боевиков-наемников из Руанды и Уганды. Владельцы шахт покрывают нехватку людей, покупая рабов в Чаде, или захватывая их в прилегающих местностях. Местных жителей они облагают налогами. Не потому, что им нужны эти копейки, а чтобы заставить местных работать на шахтах – там это единственный способ заработать деньги. Вместо денег там часто используют колтан. Как-то так вот.

Мы приуныли. Печальная картина складывалась.

Санитар сделал паузу, материализовал себе крошечную чашечку с кофе, раскрыл на стене экран.

– Прониклись, в какую клоаку мы вас посылаем? Теперь слушайте задачу. Вы должны каким-то образом получить плацдарм в городе Гома на границе Конго и Руанды. Там и граница Уганды совсем недалеко. Сейчас в городе тысяч двести населения, в лучшие времена доходило до полумиллиона. Именно оттуда началась Великая Африканская война. Этот город стал логистическим центром для трафика колтана. Там его собирают с окрестных шахт и небольшими самолетами отправляют в Руанду. А уже оттуда развозят по перерабатывающим заводам, которых в мире всего несколько.

– Простите, – не удержал я любопытства. – А почему именно сейчас так обострился этот вопрос?

– Потому, что значительную часть колтана контролируют наши китайские партнеры. Раньше они часть потока направляли на переработку в Русском секторе, у нас есть завод на территории бывшего Казахстана. За переработку они расплачивались танталом. Всё было хорошо. Но потом китайцы построили себе еще один завод и прекратили сотрудничество. А продавать готовый металл отказываются. Американцам и европейцам самим не хватает, тоже не продают.

– Козлы, – ёмко сформулировал Дедун.

– Они хотели этот фокус и с кобальтом проверить, лишив нас производства современных аккумуляторов. И с редкоземельными металлами, на которые у них тоже почти монополия, – эти для электродвигателей важны. Понимаете теперь, почему вы тут сидите?

– Понимаем, – все покивали головами.

Я уже открыл на планшете карту города Гома. Городская застройка расположилась между берегом озера Киву и склоном действующего вулкана. В длину – километров пятнадцать, в ширину – шесть. Одним краем Гома примыкал к границе, а с другой ее стороны расположился руандийский городок чуть поменьше. Я обратил внимание, что на стороне Руанды местность была, как паутиной, пронизана сетью дорог, вдоль которых разбросаны домики. Со стороны Конго плотность дорог и жилья была заметно ниже.

– Давайте о военных силах противника, – предложил я Санитару.

Тот кивнул:

– В регионе представлены примерно двадцать крупных военных группировок. Часть из них действует под крышей мировых игроков. Есть неизвестное количество мелких банд, которые просто грабят, кого могут. В городе в общей сложности тысяч десять боевиков.

Многовато. С другой стороны – Эль-Фашер брали, а там не меньше было. Хотя мы и брали не сами, были только авангардом...

– Первая и самая сильная группировка – тутси. Их повстанцы называют себя «М96». В городе у них две тысячи штыков, в регионе – тысяч пять. Действуют в интересах правительства Руанды. Если что, им на помощь придут руандийские войска, могут прислать тысяч двадцать, с бронетехникой и артиллерией.

– Снаряжение и вооружение? – уточнил Будда.

– Там у всех крупных групп примерно одинаковый уровень. У опытных наемников – тактические шлемы с целеуказанием, тепловизоры, современное стрелковое оружие, легкая броня, «Грады», пушки. Уровень навыков у командиров и бойцов средний. Техника старая, еще без автоматических систем управления боем. У пушечного мяса – просто старые автоматы и гранатометы. И мачете – они к ним равнодушны, любят ими мирное население резать. Правительственные войска Конго и Руанды имеют танки и легкую авиацию.

Так вот, вернемся к тутси. Их контролируют из Руанды. А Руанду контролирует частная европейская горнодобывающая компания. Так как это не государство, мы с ними договариваться не будем – не тот уровень. Но вы от своего имени можете попробовать договориться. Стратегически Европа потеряла значение в политике и в военных раскладах, но в этом регионе они еще удерживают крупный кусок. Со временем имеет смысл этот кусок у них отобрать, и в Гома, и в Катанге.

Опять пауза, ожидание вопросов. Мы внимательно слушаем.

– Следующий игрок – американцы. Они контролируют правительство Конго и правительственные войска. Войска – это их силовой кулак здесь. А свои коммерческие дела ведут через сектантов – общину Адвентистов седьмого дня. В принципе, нормальные люди, правда, иногда начинают резать католиков. Рядовые сектанты – фанатики, а руководство вполне вменяемо, договориться с ними можно. И с самим американцами у нас особых разногласий в этом регионе нет.

– А боевые возможности?

– У правительственных сил в регионе тысяч пять людей с техникой. Даже авиацию могут прислать. При затяжном конфликте могут прислать тысяч двадцать и больше. У сектантов – примерно тысяча собственных боевиков.

Санитар оглядел нас, ожидая вопросов. Больше вопросов пока не было.

– Китайцы действуют из Южного Судана, который ими плотно контролируется, через правительство Уганды. Они не требуют жесткого подчинения от повстанцев, просто у кого-то скупают колтан, взамен поставляют им оружие. Так они постоянно работают с несколькими

группировками. Формально, если мы кого-то из этих повстанцев обнулим, китайцы нам ничего предъявить не смогут. Главное, случайно их пункты скупки не разгромить, а то обидятся. Самая сильная из группировок, работающих с китайцами – повстанческая гвардия Конго. Изначально это была правительственная гвардия, которая поддерживала прошлого президента страны. Президента сместили, и они в полном составе, вместе с техникой, подались в партизаны. Тысяч пять штыков, есть легкая броня. Еще повстанцы хуту опасны, их в самом городе нет, а вот в лесах – присутствуют. Сколько их – неизвестно, вооружены плохо, отличаются особой жестокостью.

Санитар грустно усмехнулся:

– Ну и последняя группа, о которой я хотел сказать отдельно – «Армия господ». Полные отморозки.

– То есть до сих пор вы перечисляли не полных? – уточнила Малышка.

– Именно. Значит, «Армия Господа». Провозгласила своей целью создание теократического государства. Во время акций устрашения нападают на церкви, устраивают массовые убийства верующих, расчлениают их тела и разбрасывают куски по помещению. Бывали случаи – человек по пятьдесят-семьдесят за раз расчленили. Когда эти сектанты наказывают непокорных, оставляют в поселках части их тел, завернутые в страницы из Библии. Похищают детей, потом по отработанным методикам, с помощью мучений и психологического воздействия, воспитывают из них фанатиков-убийц. Когда-то эту секту создали американские спецслужбы, но контакты с ними оказались настолько токсичными, что даже американцы пытаются их уничтожить и похоронить все следы.

– Оказывается, «Песчаные львы», которых мы в Судане выжигали «Солнцепоком», еще нормальные парни были... – флегматично высказалась Малышка.

– Да, всё познается в сравнении. Так вот – «Армия господ» выжить не должна. В полном составе, даже сектантки-женщины, даже подростки. В этом нас поддерживают и американцы, и китайцы. Наша разведка предоставит вам данные для распознавания лиц фанатиков, их собрали совместными усилиями, сколько смогли.

Санитар замолчал.

Вроде все было понятно, остальное можно уточнить по отчетам из разведки, которыми нас завалили.

– Уважаемый Санитар, давайте окончательно уточним, как ставится задача, – попросил я.

– Захватить плацдарм в городе и прочно обосноваться там. Взять под контроль какую-то часть добычи колтана, чтобы разрушить монополию китайцев. Это – задача-минимум. В идеале – при этом уничтожить фанатиков и стать арбитром для других крупных игроков. Неплохо бы потеснить европейцев. Можно и остальных, но европейцев нам стратегически выгодно вытеснить из страны и занять их место.

Дальше Санитар откланялся, а мы разошлись, знакомиться с информацией и планы планировать.

Думали сами, обсуждали, даже советовались с нашим армейским координатором, через него – со штабом суданской группировки.

Зона следующей нашей операции находится в Конго, но от нашей базы в Катанге до нее – тысяча двести километров по прямой, а от суданской, в Эль-Фашере, – тысяча семьсот. Откуда ехать удобнее – еще пришлось подумать.

Оказалось, ехать удобнее с юга, потому что намного ближе и дороги лучше. И территория не так заполнена отмороженными бандами. С севера есть дорога работарговцев из Чада, но на ней слишком много постов, собирающих плату за проезд. С колонны броневиков деньги вряд ли осмелятся просить, но стрельнуть из кустов могут. А нам же топливо везти, и часть техники

на обычных траках тащить придется. Опасно – повредят, задержки возникнут. Так что ехать будем с юга, да.

А вот летать удобнее с севера. Если, например, нам потребуется подавляющая огневая мощь, для такой цели можно применить крылатые ракеты. Отправлять их придется в обход зоны контроля китайцев – через территорию Западного Судана, краешек Чада, Центрально-Африканскую Республику и север Конго. Лететь ракеты будут сначала над дружественными землями, потом – над дикими лесами, никакой ПВО по дороге не встретится. Еще через северный маршрут при необходимости можно будет грузы транспортниками доставлять и сбрасывать на парашютах. Или на аэродром, когда мы его захватим.

По результатам всех этих обсуждений мы решили сделать новые закупки оружия.

Когда Санитар увидел на первой позиции списка контейнер с пусковой установкой на четыре крылатые ракеты, картинно схватился за голову и застонал. Но подписал. Пообещал, что установку срочно доставят в Эль-Фашер.

3. Дорога по Катанге

Я проснулся в своей виртуальной личной комнате. На животе лежало колено Ирины. Она практически переселилась ко мне, возвращалась с работы прямо сюда.

Я провел рукой по гладкому бедру. Девушка шевельнулась и что-то благосклонно промурлыкала сквозь сон. Я снял ее ногу с себя и встал.

– Ты чего? – пробурчала она, подняв всклокоченную голову. – Уходишь?

– Да. Пора.

– Я вечером не приду, мне пора в реал выйти.

То, что я не увижу ее ночью, вызвало недовольство. Раз мне это не нравится – надо это менять.

– Закажи себе капсулу для длительного погружения. Я оплачу.

– Я не могу, это слишком дорогой подарок.

– Считай, что я это делаю для себя. Так я смогу тебя видеть чаще.

Ира улыбнулась широко, засмушалась, даже прикрыла лицо одеялом. Ее глаза поблескивали сквозь спутанные волосы.

– Закажешь?

Покивала головой.

– Вот и хорошо. Я пошел, пора мне. Сложный день.

Я перешел в наше корпоративное пространство.

Тут собрались почти все, Малышки только еще не было. Народ завтракал.

Казалось бы – в виртуальной реальности прием пищи, тем более совместный, не обязателен. А обычай собираться за столом остался. Так общаться приятнее.

Я выпил кофе, мы обсудили пару мелочей, связанных с предстоящей поездкой. Малышка появилась, тоже кофе выпила.

– Пора, – дал я команду, все попрыгали в свои тела, находящиеся на нашей шахте в Конго. И я тоже перешел туда.

Толстяк с Сусликом вывели из ангаров технику.

Я полюбовался на внушительную колонну. Четыре броневики, в одном из них смонтирована система управления боем. Машина ПВО «Панцирь» в боевом положении, с развернутыми пулеметами и ракетами. «Град» в восьмиколесном варианте. К нему – машина зарядания с грузом ракет. Четыре трака, в кузовах которых спрятались «Черепahi» и боеприпасы. Два трака с цистернами – запас топлива на переход в полторы тысячи километров. Еще машина поддержки беспилотников, универсальная модель, которая может поддерживать и стрелковые дроны, и «Солнечные зайчики», и даже одноразовые ударные БПЛА. Что важно – машина смонтирована на базе трака, мы специально заказали такую, чтобы вся техника имела одинаковую проходимость.

Толстяк запустил «Солнечный зайчик» – он будет лететь своим ходом и даст нам обзор сверху.

Мы забрались на броню. Ехать внутри траков на дорогах этой беспокойной территории было бы слишком рискованно. Одна граната или пулеметная очередь, удачно выпущенная каким-нибудь отморозенным подростком из кустов – и будут повреждены наши дорогие тела. Мы не могли себе позволить такие потери, да еще в самом начале операции.

Резервный комплект тел получил команду и тоже забрался на броневики. Движения роботов в автоматическом режиме были ловкими, но забавными. Иногда они могли семенить ногами там, где человек сделал бы один широкий шаг, или запрыгнуть, когда человек залез бы, хватаясь руками.

Техника рыкнула, плюнула струями дыма.

Поехали.

Около ангара, в котором жили наши черненькие дамы, стояли Нина и Наоми и весело махали нам руками.

Ближе к Килюмбе вдоль дороги стали появляться огороды и хижинки. От них к нам выбегали стайки детей. Черненьких, голеньких или одетых в шортики и яркие футболки, веселых. Они часто выбегают посмотреть на наш транспорт, который возит руду, за время сезона дождей отвыкли от такой картины. А сегодня им досталось особое развлечение – четырнадцать единиц техники в одной колонне, причем среди них не только траки и броневики, уже знакомые им, но и ужасно интересный «Панцирь» с крутящейся антенной, и «Град». Детишки бежали вдоль дороги, прыгали от избытка чувств, махали руками, визжали. Матери на них ругались, потому что от дороги расплзался пыльный хвост. Нам матери махали руками и улыбались. После прошлой эпидемии они нам все улыбаются. Народ тут жизнерадостный и благодарный.

При проезде мимо особенно большой стайки детей я вытащил носовой платок, протер забрало шлема от пыли и помахал им. Дети запрыгали от восторга.

Колеса прокатились по железному настилу мостика. Потом еще одного. Выехали к шоссе. Машины увеличили скорость.

Проскочили несколько придорожных деревенок.

Я на ходу связался с мэром Мокамбо, предупредил, что через его городок пройдет наша колонна военной техники. Чтобы не пугались там. Тот пообещал предупредить полицию. Это правильно, а то полиция у них пугливая, разбежится на глазах у сограждан, потом неудобно будет.

Два шоссе проходили через городок и в его центре пересекались. Через этот перекресток мы и поехали. В городке нашу технику видели – траки сюда под охраной броневика обогащенную кобальтовую руду возят. Конечно, количество техники вызвало интерес, но никто не прятался в ужасе.

Нас тут не то, чтобы любили, но и не боялись. Относились, как к чему-то непонятному: сидят где-то в саванне, руду привозят, больше ничего. А потом вдруг приехали и большую банду уничтожили. А потом опять исчезли. А теперь вот опять едут куда-то по своим загадочным делам.

Колонна прошла городок без задержек и направилась в сторону Лубумбаши, столицы провинции. Два часа езды по шоссе, которое проходит вдоль извилистой границы с Замбией.

По дороге проехали через два городка. Там нас встретили испугом. Мамаши криками сзывали детей, девушки прятались. Народ не то, чтобы в панике разбежался, но улицы при нашем приближении как-то сами собой пустели. Их можно понять, в этом регионе, когда по городу едет незнакомая военная техника – это не к добру. Хотя и любопытные зрители были, они сообразили, что на банду мы не похожи.

Я связался с правительством провинции. Предупредил, что наша колонна проследует через город, поинтересовался, можно ли проехать напрямик по шоссе и улицам или лучше объехать вокруг, проселками.

Наши будущие союзники-сепаратисты с радостью предложили полюбоваться на город, пообещали выслать к въезду пару машин полиции, чтобы те проводили нас по улицам.

Город был большим. Миллиона два населения, а может и больше. Вряд ли кто-то проводил тут перепись. В диаметре он раскинулся километров на пятнадцать.

О том, что мы въезжаем в столицу провинции, оповещала надпись над дорогой. Под ней стояли две полицейские машины.

Мы притормозили, полицейские взяли под козырек и предложили следовать за ними. О том, что мы не совсем люди, они не догадались – на наших лицах были маски, еще и забрала шлемов опущены. Остальное тело одеждой и обувью прикрыто, даже на руках перчатки.

Полиция включила маячки и направилась по шоссе в город. Мы – за ней.

Лубумбаши нас поразил. Это был первый большой город, который мы видели в реальности.

Я был подростком, когда начался Карантин, остальные, кроме Будды, еще младше. Я еще помню район, где родился и рос, совершенно заурядный. О поездках в центр города – какие-то отрывочные воспоминания. А потом, после начала Пандемии, в реальности я смотрел на город только со своего балкона.

И вот – я еду по настоящему большому городу. Причем городу живому, в котором ездят машины, поддерживаются в хорошем состоянии дороги, ходят по тротуарам люди, бегают огромное количество детей. Работают магазины, предприятия и учреждения.

Сначала вдоль шоссе долго тянулись аккуратные кирпичные дома. Гораздо более респектабельные, чем домики жителей Мокамбо или закрытые арабские дворы в Эль-Фашере. Респектабельные, но не более того. Я даже почувствовал легкое разочарование.

Такая застройка тянулась несколько километров. Деревьев в ней было много, после езды по саванне это бросалось в глаза.

Потом справа появился огромный черный террикон из отработанной породы.

Мы проехали мимо обширной территории и громадных промышленных корпусов горно-рудной компании. Самый большой и высокий корпус был выкрашен в жизнерадостный голубой цвет.

Поворот, еще поворот, и здания кончились. Мостик через узкую речку. Пустошь.

Неужели мы проехали город насквозь? Нет, опять началась застройка аккуратными домами, здесь они были больше, появились двух-трех этажные. Потом – обширный парк.

Внезапно мы вылетели на широкий проспект и из-за деревьев показались современные здания. И не только современные – некоторым было лет сто, не меньше. Торговые центры, банки, магазины, автосервисы, гостиницы, рестораны, даже казино. Некоторые здания были непривычно выкрашены, в яркий голубой цвет, скажем, или белый с красным. Но в целом это смотрелось, как современный европейский город из фильмов, снятых до начала Пандемии. Здания, машины на дорогах, везде – рекламные щиты. Только прохожие были чернокожими, и везде – много, целые стаи, детей.

Проскочили площадь, окруженную торговыми центрами, проехали еще немного, полицейские машины встали, нам дали сигнал тоже остановиться.

К моему броневнику подскочил офицер.

– Простите, кто из вас старший?

Я поднял руку.

– Наш губернатор хотел с вами поговорить лично. Он сейчас ждет в том ресторане, – показал рукой на уютное заведение. – Вы можете уделить ему немного времени?

Мои бойцы с надеждой посмотрели на меня. Наверное, хотели, пока я буду беседовать с местной властью, осмотреться вокруг.

Я согласился.

Офицер провел меня внутрь, зал был пуст. Только за одним столиком сидел крупный важный негр в наглаженной рубашке и дорогим костюме.

– Добрый день, – встал он.

– Добрый.

– Я хотел бы угостить вас, здесь чудесная кухня, – говорили мы на французском.

Я поднял забрало и опустил низ маски:

– В этом теле я не могу оценить вашу кухню. Сожалею.

Губернатор удивился. Видимо, он считал, что рассказы мэра Мокамбо о людях-роботах – какое-то преувеличение. Мужик был не пугливым. Он сразу же вернул себе невозмутимость.

– Жаль. Тем не менее, это не мешает нам поговорить.

Разговор был недолгим. Он рассказал, какими примерно силами обладает, предложил концессии на новые месторождения.

Я объяснил, что в принципе вопрос обсуждаемый, но задача непростая и нам всем нужно время для подготовки. Скажем, год.

Предупредил, что если мы захотим ввязываться в войну с правительством Киншасы, которое поддержат американцы, тогда и приз должен быть действительно большим. В этом случае местным властям придется определяться – хотят они сотрудничать с нами, или продолжать сотрудничество с европейскими компаниями.

Наши запросы погрузили губернатора в глубокую задумчивость. С одной стороны, понятно было, что он привык работать с европейцами, его устраивали финансовые условия, и он не хотел ссориться с хорошо знакомыми партнерами. С другой – военной помощи от европейцев не дождешься, да и политической – тоже, они зависимы от американцев.

Главное было сказано, теперь губернатору требовалось время, чтобы дозреть.

– Следите за новостями, они помогут вам выбрать правильную сторону, – напоследок предложил я и попрощался.

Мы двинулись дальше. Полиция вела нас через город, чтобы не заблудились. Проехали несколько поворотов и площадей. Несколько громадных торговых комплексов и симпатичных церквей. Несколько километров по широкому проспекту между кварталами респектабельных домиков с редкими вкраплениями многоэтажных зданий.

Город кончился. Полиция помахала нам руками и уехала обратно.

Затем были два десятка километров, где вдоль шоссе лежали обширные поля.

А потом цивилизация закончилась, и пошло уже привычное нам саванное редколесье. Такое же, как в окрестностях нашей шахты. Пыльная дорога, зеленая трава и зонтичные акации вокруг, редкие деревни с четырехугольными хижинами из пучков слоновой травы или веток, с небольшими огородами, засаженными маниоком и бататами.

Люди в деревнях нас опасались и заранее, как только видели столб пыли над дорогой, прятались.

Почти незаметно менялся рельеф. Слева от дороги появилась гряда холмов. Увеличилось количество деревьев и зелени. В одном месте далеко в стороне от дороги я заметил огромный котлован карьера, он был такого размера, что привлекал внимание даже на спутниковых снимках.

Конечно же, мы не присутствовали всю дорогу постоянно в наших телах.

Я установил порядок дежурств и отпустил половину людей. Отпустил бы и больше, но кто-то должен был управлять транспортом, кто-то – следить за окружающей обстановкой, кто-то – контролировать окрестности через «Солнечный зайчик», летящий над нами.

Мы спокойно преодолели три сотни километров, до озера Мверу. Большого озера, почти моря – шоссе шло вдоль его берега километров сто, и противоположного берега видно не было. На берегу располагалось много деревень, многолюдных, но бедных, застроенных только хижинами.

До северного края озера мы добрались, когда начался закат.

– Впереди у городка укрепленные посты, – предупредила нас военная разведка. Она сопровождала нас по маршруту, контролируя окрестности по спутниковой картинке. Мы сами

следили только за ближайшим окружением, через камеры летающего крыла, а наблюдатели разведки охватывали полосу в пару десятков километров.

– Это посты милиции провинции Катанга, – уточнили разведчики.

Наша колонна выкатилась на длинную косу между берегом озера и изгибом речки, вытекающей из него. Впереди, за мостом, стоял пост. Он был защищен земляным валом и стеной из камня-ракушечника.

В нашу сторону смотрел крупнокалиберный пулемет. Положение у нас было невыгодным – уйти с узкой косы в сторону нельзя, укрытий нет, лобовая броня броневиков выстрел пулемета должна удерживать, а вот остальная техника будет прошита, как бумага.

– Толстяк, возьми пулемет на прицел, но пока не стреляй. Суслик, следит, чтобы траки не выбивались в сторону, пусть их прикрывает собой первый броневик.

По радиоканалу пришел запрос от поста, интересовались кто мы.

Мы сообщили, что из Русского сектора. Что мы частная компания, а не армия, уточнять не стали – тут такие тонкости никого не интересуют.

– ОК, подъезжайте. Нас предупреждали из Лубумбаши, что вы можете тут проехать.

Губернатор оказался предусмотрительным. Хотя конечную цель поездки мы не сообщали, но я говорил ему, что двигаемся на север.

Подъехали, остановились перед постом.

Я спустился с броневика, подошел пообщаться.

Подъехал внедорожник, привез офицера. Поздоровались.

– Не могли бы вы предъявить документы? – офицер с сомнением уставившись на мое закрытое забрало.

Я замялся. Потом открыл забрало и опустил маску.

– Простите, офицер, но нам документы не положены. Мы здесь как бы не присутствуем лично, – про себя я подумал, что какие-то документы, кроме технического паспорта, нам всё же нужны. Раз мы люди. Правда, как идентифицировать личность – большой вопрос.

Офицер обдумал казус.

– А серийные и индивидуальные номера, как на технике, у вас есть? – спросил с сомнением.

Я показал, номера есть, один из них на запястье расположен. Офицер сделал снимок своим коммом. Потом сфотографировал номера колесной техники.

Процедура проверки закончилась, нас пригласили в поселок.

Поселок, довольно большой, раскинулся на берегу озера. Аккуратные домики были выстроены из нарезанного блоками мягкого желтого ракушечника, покрыты двускатными жестяными крышами. По улицам носились вездесущие дети, ходили плотные коренастые женщины и низкорослые мужчины. Вполне цивилизованное и спокойное место.

Общее впечатление портили только блок-посты на выездах, и высокий вал, который дугой ограждал поселок с севера и востока. Посты были серьезные, на северном и восточном выездах даже танки были вкопаны по башню, старые, но вполне боеспособные. И БТР стояли в укрытиях. И пулеметы.

Я решил сделать тут остановку на ночь, чтобы спокойно отдохнуть. Видимо, это было последнее безопасное место на нашем пути. Дальше начиналось побережье озера Танганьика, территория кровавого треугольника.

4. Земля революционеров

Из гостеприимного поселка мы выехали в боевом порядке.

Впереди, на удалении в пару километров, шел броневик и пара «Черепях» с пулеметами.

Одна «Черепиха» с минометом и одна – с ПТУР следовали в колонне. Остальные пока ехали в кузовах траков, чтобы не изнашивать гусеницы и не жечь топливо.

– Лучше было брать двух «Солнечных зайчиков», – пробурчал Толстяк. – Чтобы один над передовым охранением летал, второй – над колонной.

– Закончим операцию – закажем еще один, – покладисто согласился я. Разведывательные крылья много раз доказывали свою полезность.

Слева от дороги виднелась гряда холмов, местами превращающаяся в длинное плато с крутым склоном высотой метров сто.

В полутора сотнях километров восточнее нас находилась южная оконечность озера Танганьика. По озеру проходит граница с Замбией, и на него опирается восточный край «кровавого треугольника». Озеро вытянулось узкой полосой с юга на север на шесть сотен километров. Мы должны будем выехать к его берегу ближе к северному краю.

А пока с той стороны дороги – пустая равнина, поросшая редколесьем.

По пути мы миновали несколько заброшенных деревень. Брошенных давно – от хижин остались только остовы, крыши и стены из травы и веток разметали ветер и дожди.

– На краю плато люди, – километров через пятнадцать пути сообщил Толстяк. – Наблюдатели.

Я всерьез задумался о том, чтобы бросить туда мину. Превентивно. Потом решил пока не обострять положение.

– Пометь их как цели для пулемета и миномета, если потянутся за оружием – уничтожай.

Броневик в колонне повернул башню в нужную сторону.

Если наблюдатели что-то понимают в технике, догадаются, что мы их видим. И не станут делать глупости.

Глупости делать не станут, но кому-то сообщат о нас, и этот кто-то находится впереди.

Мимо наблюдателей колонна прошла без стрельбы. А через два десятка километров мы добрались до деревни, в которой были люди. Люди и военные. До сотни бойцов.

О наличии постов и бронетехники в этой деревне разведка предупредила нас заранее. И даже сообщила, флаги какой именно группировки висят на постах. Это были ангольские повстанцы. Их организация ничем мне не запомнилась, ни силой, ни особой жестокостью не выделялась. Просто одна из двух десятков группировок. Она контролировала этот кусочек местности и для нас интереса не представляла.

Детально осмотрев местность по картинке с разведывательного крыла, мы нашли, кроме поста на дороге, еще и огневые точки на высоких холмах за деревней. Там даже старая пушка стояла, способная прямой наводкой простреливать дорогу на несколько километров.

Объезжать деревню было неудобно, мешали холмы, болотце и леса, воевать – незачем. Мы не могли себе позволить пробивать себе дорогу силой еще семь сотен километров. Нам таких деревенских гарнизонов встретятся еще десятки.

Я попробовал договориться. Вызвал эту деревню по радио заранее.

– Вызываю гарнизон деревни Шибель. Это военная колонна, которую видели ваши наблюдатели.

Мне ответили. Сначала на суахили, потом перешли на корявый французский.

– Мы из Русского сектора. Следуем по дороге дальше на север. К вам никаких претензий не имеем. Прошу пропустить нас и не пытаться вступать в бой.

- Вы не можете здесь ехать. Мы вас уьем.
- Если вы откроете огонь, мы всех вас уничтожим.

После этой фразы голос в радиоканале поменялся. Похоже, микрофон взял другой человек.

- Откуда вы?
- Из Русского сектора.

После паузы рация прохрипела: «Хорошо, давайте встретимся перед постом, поговорим».

Наша колонна остановилась в двух километрах от поста. От пушки прикрылись холмиком. Конечно, она может по гаубичной траектории снаряд за холм забросить, но забросить мало – надо еще попасть.

Я пересел на другой броневик и на нем доехал ближе. Машину оставил в ста метрах, сам подошел почти к посту. Навстречу вышел высокий пожилой негр.

- Меня зовут Санта, я командир колонны.
- Майор Фернандес. Командир гарнизона Революционного фронта Анголы.
- Майор, мы просто следуем по дороге на север. К вашему Фронту у нас никаких претензий нет. Но если нам потребуется вас уничтожить, чтобы проехать, мы это сделаем, – потом добавил: – Хотелось бы без этого обойтись.

- Зачем вы едете на север?
 - У нас там задание. Далеко. К вам оно отношения не имеет.
 - В Калемие? – майор посмотрел с подозрением.
 - Нет, дальше, – ответил я, сверившись по карте, где этот Калемие находится.
- Майор после моего ответа расслабился и даже оживился.

- Вы возвращаетесь насовсем?
- В смысле?

– Когда-то ваша страна и Куба помогли моей родине. Потом власть захватили капиталисты, но мы помним, что вы спасли нас от рабства. Если вы возвращаетесь – мы могли бы стать союзниками.

- Хорошо, что из тех, кому помогли, хоть кто-то помнит...

Обсуждать политические союзы я был не готов. Я вообще не представлял, что это за группировка и чем она отличается от других. И зачем нам союз с ней – тоже не представлял.

– Я не могу сейчас обсуждать совместные действия. Для этого надо хотя бы понимать, чего вы хотите.

- Мы боремся за освобождение Анголы от западных капиталистов.
- А почему здесь? – удивился я.

Фернандес замялся.

– Для революционной борьбы нужно много оружия и денег. И люди тоже нужны. Мы контролируем всю территорию отсюда на восток до берега Танганьики, и вдоль его берега, вплоть до Калемие. Там у нас есть разработки золота. А на побережье живет много людей, многие парни идут в нашу армию. Здесь у нас передовой пост. Чуть восточнее – большой медный карьер, который нам принадлежит, а дальше по дороге – наши деревни.

Я удивился. Территория, которую контролировали революционеры, протянулась на три сотни километров. Небольшая страна. А наши разведчики даже не знали, чем они отличаются от обычных банд.

Хотя, чего сейчас ожидать от разведки? Пообщаться с живыми людьми они не могут, на спутниковых снимках не разберешь, кто там бегаёт с автоматами. Только анализ сообщений по связи, но вряд ли этот район привлекал много внимания.

- У вас, наверное, много людей?

– Нет, тут всего тысяча бойцов. Основные силы действуют в Анголе. Мы туда через Замбию ходим.

Я прикинул, что если пропускать революционеров через шоссе, которое проходит мимо нашей шахты, они смогут заметно сократить свои транспортные пути. Там узкий кусочек территории Конго глубоко вдаётся в Замбию. Его пересекает шоссе от Мокамбо на северо-восток, и мы это шоссе фактически контролируем. Если захотим стать союзниками – можно предложить более короткий проход. А если мы решим взять под себя всю Катангу – тогда вообще интересные варианты рисуются. Будда говорил – для контроля местности пехоты не хватает. Так вот она – пехота. А коммунисты они или кто – вопрос второй. Коммунистам тоже деньги нужны, они их только тратят на другие цели.

– Я хотел бы обсудить тему совместных действий, но позже. Сейчас нам нужно выполнить срочную работу.

– Конечно. Я расскажу о вас нашему руководству.

Мы обменялись контактами. Как оказалось, тут, несмотря на бедность в быту и устаревшее оружие, в каждой деревне был хоть один современный комм, а у военных – в каждом отряде.

Майор заверил меня, что предупредит своих соратников, стоящих дальше по дороге.

Мы постояли у поста, пока колонна постепенно, по две машины за раз, проходила через деревню.

Потом я залез на броневик и тоже уехал. Майор на своей машине проводил меня до противоположной окраины, а дальше отправил с нами машину с двумя своими бойцами – сопровождать, чтобы не возникло недоразумений на следующих постах.

По пути через деревню я поглядывал вокруг.

На посту был вкопан по башню старый ржавый танк. Судя по его виду, было сомнительно, что он способен ездить, но стрелять – вполне мог. На противоположном выезде стоял БТР, старый, но на ходу.

Местные в деревне жили в больших сараях с высокими двускатными крышами. Стенки домов были сколочены из неокрашенной необрезной доски с неровными краями, в них были широкие щели. Некоторые строения были длинными, как казармы.

Люди не выглядели несчастными. Бойцов революционного фронта они не боялись. Посмотреть на нас сбежались стаи детей. Женщины работали на огородах или около своих жилищ, огороды и хозяйство – это женская работа. Мужчин было меньше, возможно они где-то воевали, а может просто работали на карьере.

В целом впечатление о деревне осталось приятное. Никаких ужасов я тут не заметил.

Договоренность с майором Фернандесом очень облегчила нам путь.

Мы без проблем проскочили почти триста километров.

Триста километров, два десятка крупных деревень и неслыханное количество мелких. Гарнизоны были далеко не везде. В пяти крупных деревнях были опорные пункты, там стояли силы в пару десятков бойцов. Они сторожили на постах и могли сыграть роль группы быстрого реагирования, если в окрестностях что-то случится.

По-настоящему крупные силы, пара сотен бойцов с броней, располагались в маленьком городке, находящемся посередине территории революционного фронта. Рядом с городком находилось два перекрестка дорог. Дороги – это важно: здесь местность была местами холмистой, местами поросла лесами, кое-где ее пересекали русла рек, поэтому двигаться вне дорог с техникой было бы сложно и долго. Если вообще возможно. А еще этот гарнизон прикрывал с запада крупный город и поселки побережья.

В этом городке нас встретили с любопытством. Мы должны были проехать мимо, но нас попросили завернуть в поселение, даже предложили там заправиться, если есть такая необходимость. Мы воспользовались возможностью.

К этому моменту я уже запросил у нашего «культурного атташе» из Катанги подробную информацию о Революционном фронте. Группировка контролировала юго-восточную часть территории Анголы. За десятилетия существования зарекомендовала себя вполне вменяемой силой, способной не только воевать, но и защищать население своей территории. Добиться большего успеха и захватить побережье страны им мешало только отсутствие серьезных источников финансирования и поставок современного оружия. Никто из крупных мировых игроков их не поддерживал. Даже китайцы, считающиеся сторонниками цифрового коммунизма, предпочитали иметь дело с капиталистическим правительством Анголы.

Городок оказался довольно крупным и застроен не хижинами, а вполне добротными домиками. Там даже какие-то постройки явно промышленного назначения присутствовали.

Там я познакомился еще с одним революционным майором. Мы мило побеседовали. Я выяснил, какие отношения у Фронта с правительствами Лубумбаши и Киншасы.

Оказалось, с властями нашей провинции они дел никаких не имели. Находились в состоянии нейтралитета. Правительство Катанги закрывало глаза на то, что маршруты движения бойцов Фронта из Анголы в Замбию прихватывают отдаленный уголок провинции. Фронт не устраивал пакостей, но и не пытался наладить отношения, потому что не знал, что можно предложить властям. Идеологически сепаратисты из Лубумбаши были явными антагонистами революционеров, потому что целью их отделения было подгрести под себя богатства провинции и продать их подороже тем самым западным капиталистам, которых так не любили ангольцы.

С властями Киншасы Фронт находился в состоянии вооруженного нейтралитета, потому что при вспышках войны в Анголе те оказывали помощь официальному правительству Луанды. Между двумя столицами было много деловых связей. И оба правительства контролировались американским сектором.

Так что мы, если захотим участвовать в отделении Катанги, сможем смотреть на Революционный фронт, как на ситуационного союзника. Союзника с большим количеством обстрелянной опытной пехоты. И с возможностью быстрого выхода этой пехоты с просторов Анголы на северо-запад Катанги, к границе между провинцией и территорией Киншасы.

Я принял эту информацию к сведению. Обещаний никаких не давал, сказал только, что если в интересующем революционеров районе будет что-то затеваться, я буду иметь их в виду.

Разговор получился интересным, но сейчас у нас было срочное дело. Мы поехали дальше.

Мы без происшествий доехали до северной границы территории, подконтрольной Фронту.

Дорога упиралась в высокий горный хребет и сворачивала на восток, в сторону побережья Танганьики.

Там находился город Калемие, большой, растянувшийся вдоль берега озера на десяток километров. Вся застройка была одноэтажной, кирпичными аккуратными домиками с жестяными крышами, поэтому, несмотря на обширность города, его население не впечатляло – всего две или три сотни тысяч человек.

Впрочем, в этом регионе и такая численность – много. Гарнизон Революционного фронта неплохо заботился о населении. А оно, в ответ на заботу, быстро размножалось и поставляло революционерам рекрутов.

Калемие был критически важным для революционеров местом.

В городе расположились региональный штаб и главные военные силы Фронта.

Рядом находились их главные активы, золотые месторождения. Золото – это плата солдатам, деньги на оружие и боеприпасы.

Здесь ловили рыбу, которая стала важной составляющей питания горожан и окрестных сел: она давала белки, дефицит которых в обычном питании африканцев приводит к детским болезням.

И главный источник новобранцев, население, тоже сосредоточено здесь. Здесь его было больше, чем во всех деревнях и поселках революционного протектората, вместе взятых.

Сразу за городом, всего в полутора десятках километров, заканчивалась территория, подконтрольная Фронту, и начиналась зона анархии.

В Калемие я познакомился еще с тремя майорами. Главный представился, как Антонио Нету. Мы с ними обменялись информацией. В обтекаемых формулировках долго выясняли, какие у нас могут быть взаимные интересы. Затем я попытался узнать у них, что нас ждет дальше, впереди на нашем пути.

Дальше, по их словам, начинались Содом и Гоморра. Но даже оттуда приезжали люди за рыбой, поэтому кое-какая информация о тех местах была.

5. Идея революционного похода

Я плохо спал. В голове крутились мысли, никак не мог решить, что делать дальше.

Цель-то понятна – нужно добраться до города Гома. Но как? Пятьсот километров по гористой лесистой местности, находящейся в состоянии перманентной войны. Даже приходили мысли, что мы переоценили наши возможности, когда взялись за это задание.

Утром собрал группу на совещание.

– В общем, пока нам очень повезло. Мы половину пути преодолели без боев. Но везение не бесконечно и надо решать, как будем продвигаться дальше. Мне нужно знать ваши мнения.

– Какие варианты? – поинтересовался Толстяк.

– Я вижу три варианта. Первый – продолжать движение по шоссе. Отсюда оно идет вдоль озера, сначала отделено от него горной грядой, потом выходит прямо на берег. На шоссе до северной оконечности озера – два десятка крупных деревень. Местность опасная – холмы вокруг, горы, крутые склоны, заросли.

Слово взял Будда:

– Этот вариант рабочий, но тяжелый. Допустим, в половине деревень будут стоять мелкие отряды самообороны. С кем-то договоримся о проезде, кто-то – испугается захвата и начнет стрелять. Пост мы, конечно, снесем, но оставшиеся милиционеры убегут в заросли, будут обстреливать нас оттуда, просто со зла. Часть небронированной техники гарантированно потеряем. Может и всю. Это резко снизит наши боевые возможности. И заправку по дороге искать придется, на одном полном баке не доедем, а цистерны повредят.

Будда ненадолго смолк, задумавшись, я не удержался, уточнил:

– В половине – самооборона, а в остальных?

– В остальных будут гарнизоны крупных формирований. При входе на каждую новую территорию первый заслон мы собьем, начнется паника, они станут убегать. Добегут до границы своей территории, поймут, что бежать дальше некуда. Остановятся, собьются в группу, восстановят управляемость и дадут бой в удобном месте. Это в лучшем случае. В худшем – уйдут в зеленку и нападут оттуда на колонну во время движения. В первом варианте потеряем время и боеприпасы, во втором – часть техники.

– То есть когда мы дойдем до Гомы, то у нас останутся только наши тела, броневики и «Черепахи»? – повел итог я.

– Да. Думаю, да.

Звучало это печально. Для борьбы с бандами и этого хватит, а вот если подтянут регулярные войска из соседних стран...

– Следующий вариант. Отсюда вдоль берега Танганьики ведет грунтовка. Качество дороги низкое, но для нашей техники подойдет. Но километрах в ста эта дорога кончается, просто теряется в холмах. Можно попробовать пройти по ней, а дальше – по бездорожью.

– Я смотрел этот путь, – отозвался Толстяк. – Там холмистая местность. Крутизна склонов градусов тридцать, а то и сорок пять. В долинах леса. Техника пройдет не везде. Придется тыкаться в стороны, как слепые котята, искать путь по долинам. Потеряем много времени, можем попасть в засаду, если нас заметит какая-нибудь группировка. Есть большой риск, что вообще никуда не доедем. А если даже не застрянем – потом мы всё равно выйдем на шоссе, которое там по самому берегу идет.

Я надеялся на этот путь, но раз Толстяк говорит – не пройдем, значит так и есть. Он у нас главный по технике.

– Третий вариант – по воде. Если найдем судно или баржу, способную принять нашу технику, путь по воде выглядит самым безопасным. Ширина Танганьики – километров пятьдесят, от берега не добьют, даже если как-то заметят. Атаку с лодок легко можем отбить, если

поставим несколько машин на палубу, чтобы они могли стрелять. Этот вариант хорош, но я не видел в Калемие достаточно крупных барж. Я думаю, можно переплыть на лодках на тот берег, в Танзанию, и там нанять или захватить корабль.

– Стоп-стоп-стоп, – Пинок оживился. – Санта, не увлекайся. Захват корабля – это пиратство, вообще-то. Преступление, которое пресекается даже строже, чем обычный бандитизм. Ты предлагаешь к тому же напасть на соседнюю страну, относительно мирную, довольно крупную, неплохо развитую. Ты же не думаешь, что танзанийские пограничники нас просто пропустят?

Я по человеческой привычке потер ладонью шею. Признал:

– Да, что-то меня занесло.

– Мы так привыкли к тому, что тут все действуют по праву сильного, что постепенно забываем о том, что есть такая вещь, как закон. Как бы это не привело к проблемам, – грустно высказался Будда. – Даже в нашей личной жизни в Русском секторе.

– Насчет захвата я погорячился. Но есть еще надежда просто нанять судно за деньги.

– Вариант годный, – выразил общее мнение Будда. – Только нам придется просить помощи у революционеров, чтобы нам катер дали, сплавить на тот берег. И по обстановке в Танзании они подскажут что-то.

Других предложений по маршрутам не возникло. Они, маршруты, были, но заведомо хуже, чем три перечисленные.

Майор Антонио Нету сам пришел к нам, когда мы перешли в свои механические тела. В Конго стояло раннее утро – разница в часовых поясах сказывалась.

Я поздоровался. Спросил, можем ли мы нанять судно. Майор уточнил количество техники и вес. Когда услышал, что «Черепеха» в заправленном состоянии тянет на пять тонн, а броневик – на десять, сразу замахал руками:

– Нет, что вы. Таких судов вы там не найдете. Тяжелые грузы через Танганьiku не перевозят.

Я загрустил.

– Но у меня есть для вас хорошее предложение! – Майор Нету многозначительно поднял ладони. – Мы можем помочь вам проехать до северной оконечности озера.

Я внимательно выслушал.

Оказалось, региональное командование Фронта связалось с центральным руководством в Анголе, сообщило о потенциальном союзнике. И уполномочено предложить нам совместное продвижение по шоссе вдоль всего озера Танганьика. Это триста километров.

Предложение было здравым. Фронт предоставляет пехоту, мы – ударную силу. Мы сносим сопротивление, бойцы Фронта зачищают деревни и окрестности, берут их под контроль. Оставляют небольшие гарнизоны, основные силы вместе с нами продвигаются дальше. В результате мы без потерь добираемся до северного конца озера, Фронт получает под свой контроль всё его западное побережье.

– Майор, предложение интересное. Но я хочу уточнить: мы в результате этой операции всего лишь проедем по дороге, а вы удвоите кусок страны, который контролируете. Вам не кажется, это не совсем равнозначное распределение профита?

– Ваши предложения?

Я задумался. Вот сейчас брякну что-то, и это «что-то» станет прецедентом и войдет в историю. Надо взять тайм-аут, посоветоваться, подумать.

– Скажите, а вам хватит людей, чтобы контролировать новую территорию? – уточнил я.

– Мы будем нанимать новых. Это быстро – объявим в Калемие, что начат набор, предложим хорошие деньги, многие бойцы, которые уже имели опыт, захотят вернуться на службу. За несколько дней тысячу бойцов наберем. С оружием только у нас плохо, но автоматы найдем.

– А еще большую территорию захватить и контролировать, если придется, сможете? – у меня созрел коварный план.

– Командиров и опытных бойцов надо будет перебрасывать из Анголы. Рядовых тут найдем. Оружие потребуется.

В моей голове крутились мысли, достойные авантюры Пупса или Писарро.

Конечно, сначала мы попробуем захватить дорогу, всё равно туда идти.

Посмотрим, как получится.

Но если получится – что нам мешает захватить чуть больше дороги и город? И еще немного дороги? А там прихватить крупнейшее месторождение редких металлов, которое находится в стороне от нашего маршрута, но при здешних масштабах полторы сотни километров – не так уж далеко? И если мы всё это сделаем, нам тогда и Гому захватывать не так уж нужно. А если и нужно – до нее с подконтрольной территории будет добраться совсем несложно.

Картинка складывалась очень интересная. Надо было предлагать изменение стратегических планов нашим заказчикам.

– Майор. У меня есть очень, очень интересная идея. Я ее обсужу с нашими заказчиками. Если они дадут согласие, мы будем захватывать гораздо больший кусок страны. Очень богатый кусок. И на этой территории мы станем контролировать разработку всяких интересных месторождений. Подумайте, как вы хотите их делить, и мы тоже подумаем, чуть позже согласуем. А пока я согласен вместе пробивать дорогу вдоль озера, можете набирать людей. И подумайте, готовы ли вы пройти дальше, до города Букаву, и взять под контроль часть города и дорогу из него на юго-запад.

Глаза у Антонио Нету загорелись. И это я еще не произнес волшебные слова «бериллий» и «тантал». Там много и других плюшек, но эти – главные. Впрочем, майор и сам догадывался, что ради какого-то жалкого золота мы бы сюда не сунулись.

Моя идея поочередно была озвучена нашей команде, Санитару, разведке, военным.

Малышка отозвалась флегматично:

– Ну вот. Как всегда. Вышли погулять, увлеклись, завоевали империю.

Пупс развел руками, и не без восхищения произнес:

– Я в отпаде.

Остальные промолчали. Будда и Толстяк погрузились в задумчивость – прикидывали, какие дополнительные средства нам потребуются.

Потом я связался с начальством.

Санитар, выслушав меня, помял подбородок рукой и спокойно согласился:

– Идея перспективная. А главное – она выглядит фантастической только на первый взгляд. Стэнли по тем местам и с меньшими силами ходил, причем неоднократно и на гораздо большие расстояния. Тут главное – найти опору на туземцев, а у вас она вроде появилась. Наличие такого союзника меняет наши планы кардинально.

– Нам нужны данные по месторождениям и группировкам, которые их контролируют.

– По месторождениям наши аналитики подготовят, а военную информацию у разведки получишь. Правда, она бедненькая, но уж какая есть. Штаб нашей суданской группы подготовит предложения по захвату территории с учетом дорог, местности и данных о противнике. Оружие для союзников самолетами забросим, если потребуется. В общем – считай, что добро получено.

– Значит, Гому можно теперь не трогать? Трафик руды пойдет через аэродром Букаву?

Санитар подумал, потом с сомнением ответил.

– Знаешь, я думаю, всё равно надо будет брать Гому, не просто туда войти, а полностью захватывать. Раз появляется такая возможность, тогда вставим партнерам по самые поми-

дору, возьмем под контроль весь поток руды из восточного Конго. Но это будем позже делать, намного позже. Сначала – просто возьмете побережье Танганьики, посмотрите, как союзники себя покажут. Потом – Букаву. Потом – дорога на юго-запад и месторождение бериллия и прочих редких металлов. Бериллий – это важная добавка, без него современные надежные пружины не сделать, и контакты на микросхемах, и для защиты реакторов он нужен. Там же проблему с танталом решим. А уже потом Гомой займемся. Затем – Катангой. А после назначим тебя императором глубинной Африки, – Санитар хохотнул. – Как-то так.

– Можно ли доверять союзникам? Вдруг кинут?

– А если кинут, мы им крылатую ракету пришлем. Или вы сами придете и убьете нечестных партнеров. Когда будете с ними совместно воевать, продемонстрируйте, что умеете действовать жестко. У вас там для этого много возможностей будет. Как известно, доброе слово и пистолет действуют куда лучше, чем одно доброе слово.

Переговоры с союзниками принесли новый сюрприз.

– Здесь прямо на побережье есть месторождение золота, – показывал я на карте. – Вы возьмете его под свой контроль. Мы будем получать десять процентов от стоимости добытого, вы – остальное.

Революционеры оживились.

– Потом мы пройдем все шоссе вдоль берега и должны будем захватить аэродром Букаву и занять часть города, чтобы можно было оставить там гарнизон. Он будет обеспечивать возможность движения по перекрестку дорог.

Майоры пошушукались, потом предложили город брать полностью. Потому что город – это человеческие ресурсы. Раньше Букаву был большим городом, на полмиллиона населения. Сейчас он наполовину вымер, но если навести там порядок – население быстро вырастет. Через десять лет опять будет полмиллиона.

Я согласился. Полностью, так полностью. В конце концов, главные усилия по зачистке города придется брать на себя именно бойцам Фронта. А нам даже проще иметь дело с одним союзником, а не ожидать каверз от двух десятков группировок повстанцев.

– Дальше сворачиваем на дорогу на юго-запад. Там почти сразу еще одно месторождение золота. Большое. Оно тоже под ваш контроль. Нам тоже десять процентов.

Революционеры заулыбались. С золотом они дело имели, понимали в этом.

– Вот здесь – большое месторождение бериллия и прочих металлов. Его мы возьмем себе. Вы получите десять процентов от всей добычи, остальное – наше.

Я внимательно смотрел на майоров. Они проглотили мое предложение спокойно. Для них какой-то незнакомый бериллий не особо важен. И что там за прочие металлы – тоже не интересно. То, что слово «большой» – это явное преуменьшение, они не догадывались. Месторождение не просто большое, оно огромное. Фантастически огромное.

– А мелкие месторождения, которые тут не указаны?

– Золото можете брать под свой контроль, нам десять процентов, а остальное... мы организуем пункты скупки руды у нелегальных копателей, вы будете получать всё те же десять процентов.

– Пятьдесят. И мы будем эти пункты охранять, чтобы никто не нападал.

Я согласился.

Революционеры покивали головой.

– Тогда в главном мы договорились, можно обсуждать технические детали?

Неожиданно Антонио Нету покачал головой.

– Есть лучшее предложение. От вашего рудника двинуться дальше по шоссе на юг. Параллельно берегу Танганьики. Там недалеко будет еще одно золотое месторождение. Очень большое. И дальше тоже продвинуться, вдоль всего озера, по шоссе, которые параллельны тому,

где вы ехали. Там еще одно золотое месторождение, прямо напротив Калемие. Туда даже прямая дорога ведет от нас. Так мы возьмем под контроль малолюдную, но очень широкую полосу вдоль Танганьики.

Я посмотрел на карту. Зачем нам вот это вот всё? Пробивать больше шести сотен километров дорог через десятки деревень, хоть и мелких – сколько это займет времени и какие проблемы с подвозом боеприпасов и топлива возникнут?

– Не согласен. Не вижу в этом смысла, к тому же это займет много времени, а у нас есть работа, которую нельзя откладывать надолго.

Майоры пошушукались.

– Тогда такое предложение: местность там малолюдная, гарнизоны слабые. Мы сами можем их захватить. Серьезное сопротивление будет только на крупных месторождениях. Вы можете помочь нам с месторождениями, а вдоль дорог мы пройдем сами.

Я еще раз посмотрел на карту. Так получалось лучше. Намного лучше.

– Ладно, согласен. Значит, сейчас мы зачищаем дорогу на запад, к месторождению золота. Берем его. Потом возвращаемся в Калемие и из него движемся на север по шоссе, как я предлагал. После захвата нашего месторождения бериллия пройдем немного дальше, поможем вам захватить золото. А уж дальше – вы сами чистите дороги.

Революционеры с радостью согласились.

И мне такой вариант нравился. При таком порядке действий у Фронта до самого конца будет причина выполнять свои обязательства перед нами. А когда мы получим месторождение, установим там защитные периметры, будет проще. Да и с точки зрения транспортной связности – два соединенных перемычками шоссе, проходящих вдоль всей немаленькой территории, которую захватит Фронт, – намного надежнее одного.

6. Поход за золотом 1.0, тупиковое шоссе

Без сюрпризов не обошлось. Точнее, без местной специфики.

Майор Нету показывал на карте:

– Вот тут на шоссе у них стоит заслон, вы его собьете, и наш вспомогательный отряд займет пост. Дальше шоссе наши парни очистят сами, а вы пойдете с главными силами через долину реки Лукуга. Там высокие горки вокруг, от ста до четырехсот метров от уровня реки, на склонах будут посты. Горки высокие, но пологие, поросшие редколесьем.

– Стоп-стоп-стоп. А почему мы по шоссе не можем пройти до поселка? Оно же прямо к нему ведет.

– А там моста нет. Лет пятьдесят назад шоссе построили, начали мост строить, даже быки уже возвели. А потом война началась, всё забросили, так и нет там моста. Вообще, через Лукугу всего два моста, у нас в городе и в полутора сотнях километров на запад, там мы тоже проходить будем, но позже.

– А вброд?

– Не, сейчас вброд не получится. Сейчас Лукуга полноводная, она – единственный сток воды из Танганьики, а в озере после сезона дождей воды еще много. И шириной река там метров под двести. Нет, через реку не получится. А вот по долине хорошо, она широкая, ровная, и дорога там грунтовая есть вдоль берега. Только вот посты с минометами, пулеметами и снайперами на склонах, – вздохнул майор.

План майора мы приняли.

Я поручил Будде, как самому опытному наблюдателю, пролететь «Зайчиком» над долиной и осмотреть ее заранее. Делать это по ходу продвижения слишком рискованно: долина широкая, на склонах может находиться артиллерия или другие дальнобойные средства, они выйдут за пределы обзора камер разведывательного БПЛА, если держать его над колонной.

Будда нашел несколько замаскированных огневых позиций, как у самой дороги, так и на склонах.

Толстяк побурчал на тему «Если бы у нас было два «Зайчика» – было бы удобнее».

В принципе, правильно бурчал. Я связался с военными в Судане, попросил передать нам одно разведывательное крыло и отправить его к нам, своим ходом над безопасными территориями. Если каким-то неожиданным ураганом аппарат не унесет, дня за два долетит, и будет у нас два крыла над полем боя.

А пока – пусть Толстяк распакует квадрокоптеры и с ними мучается. У них запас хода маленький, придется одну пару в воздухе держать, вторую – на зарядке.

С утра я взял броневик, одну «Черепашу» с минометом и одну – с ПТРК.

Ко мне на броню подсел Антонио Нету.

Еще Малышка напросилась. Вдруг, говорит, снайпер потребуется. На самом деле ей просто скучно было сидеть и ждать. И Суслик поехал – техникой управлять удобнее, присутствуя на месте боя. А Толстяк остался за пультом машины поддержки БПЛА. Ему лучше там, там экраны большие и джойстики управления удобные.

За нами пристроились два грузовика с бойцами Фронта. Вооружены они были плохо. Судя по виду, не меньше половины – наемники, которых набрали в последние дни, чтобы было кому контролировать захваченные земли. Они одеты были в разносортную одежду, даже в гражданском кое-кто.

Несколько опытных бойцов бросались в глаза и спокойным поведением, и снаряжением. Оружие, прицелы и средства связи у них были годные. А вот шлемов с системой целеуказания

не было и у них, так что при столкновении с группировками, имеющими поддержку цивилизованных секторов, они будут серьезно проигрывать. С этим придется что-то делать.

По шоссе мы проехали крупный поселок, который контролировали люди Фронта. Хороший поселок, много новых домов, крытых железом, даже несколько каких-то ангаров явно промышленного назначения. Вокруг – пустошь. Поля, много следов горных разработок. Кое-где в небольших карьерах люди копаются. Без помощи техники, вручную, но и на изможденных рабов не похожи.

Потом еще две деревеньки проскочили. Эти были маленькими и бедными, сарайчиками застроены. Стены из горбыля со щелями. Крыша из чего-то вроде тростника, покатая, широкая. Из-за малой крутизны крыш домики выглядели приземистыми, как павильоны. Тут многие так строят, снега не бывает, высокие скаты крышам не нужны.

За второй деревней нас приветствовали бойцы Фронта, стоящие на посту рядом с пулеметом.

А дальше земля революционеров кончалась. Дальше стояли гарнизоны противника.

Мы приблизились к заслону на шоссе километра на три и остановились. Я opravил «Солнечного зайчика» вперед.

Заслон выглядел бедненько. Шлагбаум. Блокпост, огороженный мешками с землей. Пикап с зенитным пулеметом в кузове. Пулеметная ячейка.

Вокруг блокпоста бродили и сидели боевики. Почти все – подростки, лет пятнадцати на вид. С дряхлыми автоматами, сделанными советскими оружейниками еще в прошлом веке. Хорошо сделанными, но у оружия тоже есть износ. А изнашивалось оно тут быстро, судя по всему.

Рядом с постом стоял дощатый домик.

– Суслик, начинай, – дал я команду.

Миномет бухнул раз. Потом выплюнул серию из пяти мин подряд.

Через несколько секунд первая мина взорвалась прямо в кузове пикапа с пулеметом. Сидевший за гашетками оператор-наводчик обвис на своем кресле мешком. «Высокоточная», – отметил я.

Остальные взрывы вспухли вокруг поста с небольшим разбросом. Эти мины были обычные, не управляемые. Один из взрывов вспух прямо рядом с домиком. Его дощатую стену разметало, и часть крыши.

Из домика вывалился раненый боевик. Взрослый. Единственный взрослый на этом посту. Прокровылял несколько шагов и осел на землю.

– Можно идти, – сказал я майору.

Тот дал команду своим бойцам по рации. Грузовики отправились зачищать пост. Потом они оставят там небольшую охрану и отправятся дальше. Уже без нашей помощи.

Мы тоже подъехали к посту, дождались, пока бойцы Фронта всё проверят.

Прозвучали одиночные выстрелы. Бойцы делали контроль и добивали раненых.

– По нашим законам эти боевики еще дети, – пробормотал я сам себе.

– А тут они – люди, взявшие в руки оружие, – откликнулся Нету, который всё понял из-за включенного переводчика.

– Я так думаю, они уже успели стать и насильниками, и убийцами, – поддержала его Малышка.

– Они дети и не могут отвечать за свои поступки, – возразил я, отчасти из упрямства.

Я чувствовал несоответствие. Понятно, что вооруженных врагов надо уничтожать. Я не настолько гуманен, чтобы рисковать из-за их возраста или пола своей жизнью или выполнением важного задания. Но и убийство детей считается недопустимым. И что с этим делать?

– Тогда и взрослый планктон, который ежедневно кормят рекламой, не может отвечать за свои поступки, – Малышка не согласилась. – Потому что мозг у него атрофирован. Однако же отвечает. Чем эти малолетние убийцы лучше глупой тетки, которая берет взятку, чтобы потом купить себе новый модный гаджет? Они достаточно взрослые, чтобы понимать, что тот, кто убивает, может быть убит сам.

– Вот кстати, – Малышка повернулась к Нету. – А у вас во Фронте есть наказания за насилие над местными женщинами или убийства гражданских?

Майор закивал.

– Есть. У нас есть Революционный Кодекс. Иногда приходится расстреливать солдат, – вздохнул он. – Нечасто, но приходится, особенно новичков. Оружие дает много соблазнов.

Я дал команду разворачиваться. «Черепахи» лихо крутнулись на своих гусеницах почти на месте. Броневику так не мог, он, поворачивая, сдал назад и выскочил задними колесами за ленту асфальта. Сзади хлопнул взрыв.

– Пехотная мина, – флегматично сообщил майор. – Такие группировки очень любят устанавливать вокруг постов пехотные мины нажимного действия. Прямо засыпают ими землю вокруг.

Суслик вывернул броневик обратно на шоссе. Одно колесо было безнадежно порвано. Компрессоры без видимого эффекта гнали в дырявую покрывку воздух. Машина могла двигаться и на семи колесах, но зачем? Мы задержались для замены.

Из технического отсека выкарабкался сервисный робот, быстро снял поврежденное колесо, вытащил и поставил на его место новое.

– Толстяк, а мы запасные колеса взяли? – с сомнением спросил я по связи.

– Взяли пять штук, кроме штатной запаски на каждой машине. Если не хватит, с разбитых БТР-ов русского производства снимать будем, тут их много, и они должны подойти.

Пока мы возились с колесом, бойцы Фронта проверили блокпост, оставили там небольшую группу, основная часть отряда запрыгнула в грузовики и двинулась дальше.

А мы вернулись назад, в Калемие.

7. Поход за золотом 1.1, заслон у реки

В городе мы подождали, пока погрузятся в грузовики и на пикапы основные силы революционеров.

Медленно двинулись по долине реки. Впереди – пара «Черепак», потом я с майором Нету на броневике. Потом, чуть позади – три БТР, машины с солдатами. Замыкала колонну остальная наша техника.

Наша колонна проскочила окраину города, прогремела колесами по мостику через десятиметровую речушку, впадающую в Лукугу, и оказалась в речной долине.

У своего истока Лукуга притворялась спокойной рекой. Вскоре дорога пошла под уклон, речное течение стало бурным, с пеной, порогами и перекатами.

Не задерживаясь, мы проскочили крупный поселок. Поселок добротный, из небольших, но аккуратных кирпичных домиков под жестяными крышами. Потом проехали деревню поменьше, застроенную приземистыми дощатыми сараями с тростниковыми крышами. Почему такая резкая разница между соседними поселками? Стало любопытно. Спросил у майора.

– Это был поселок горняков. Они там, – рукой влево махнул. – Уголь добывают для городской электростанции.

Говорил майор не без гордости. Поддержание в рабочем состоянии городского электроснабжения – заметное достижение в местных условиях.

По противоположному берегу реки и склону долины протянулась наезженная дорога. Видимо, в периоды низкой воды тут есть брод.

– А что там? – махнул я рукой в сторону крупного поселка, куда вела дорога, я заметил его на спутниковой картинке.

– Там наше главное месторождение, – с гордостью ответил Антонио. – Ну и поля вокруг, там всё нужное выращивают, чтобы издалека не возить.

Мы мирно ехали мимо прямоугольников обработанных полей, редколесья, поселков, даже каких-то крупных ферм. Перескакивали по мостикам узкие притоки Лукуги. Скоро река опять стала спокойной.

– Смотрите, бегемоты! – обрадовалась Малышка.

В воде паслось небольшое стадо толстокожих туш. Как по мне, носороги интереснее выглядят, но к носорогам мы уже привыкли, а бегемотов видим впервые.

Чуть дальше крокодилов заметили, грелись на солнце на берегу.

Около берегов и на небольших островках было очень много птиц, целыми стаями.

Километрах в двадцати от города начались совершенно дикие места, мы там много всякой экзотической живности увидели.

Но всё кончается, и приятная экскурсия по зоопарку тоже скоро закончилась.

Пора было поработать.

Впереди на дороге находился блокпост. А со склона горы его прикрывала пушка, старая, но надежная Д-30. Пушку и артиллеристов защищало отделение пехоты, рядом мы заметили крупнокалиберный пулемет. И на посту у дороги стояли БТР и пулемет.

Мы остановились заранее, в нескольких километрах. От наблюдателей нас прикрывала небольшая холмистость местности.

– Если они нас заметят – нам конец, – не выдержал Антонио. – У них тут всё пристреляно.

– Не должны заметить, – успокоил я. – чужих БПЛА в воздухе нет, а если появятся – мы собьем до того, как попадем в объективы. Наблюдателей на склонах мы не обнаружили.

– Они могли оставить кому-то в деревнях, которые мы проехали, комм и заплатить, чтобы сообщали о движении.

– Но точное место остановки из деревни не сообщишь.

– Могут выслать наблюдателя, пешком по склонам.

Да, наблюдателя выслать могли. Пробежать несколько километров можно... ну, за полчаса, наверное. Мы не собирались затягивать так надолго. Успеем.

– Толстяк, поднимай дроны.

На то, чтобы запустить стреляющих птичек, требовалась пара минут.

– Готово, – отчитался Толстяк.

– Суслик, сначала ударишь высокоточными минами по пушке и БТР, потом сам выбери цели. Малышка, бери пару дронов на ручное управление, остальных – на автоматическое поражение размеченных целей.

– Готовы? – я и сам видел, что все цели уже размечены, дроны в воздухе, летают вокруг нас по кругу. – Дроны вперед.

Стая дронов с воем пропеллеров сорвалась с круговой траектории и унеслась в сторону противника.

Чтобы преодолеть расстояние до блокпоста, птичкам потребовалась пара минут. Когда они были на подлете, я скомандовал Суслику:

– Минометы, огонь.

Выплюнул мину миномет. Почти одновременно – второй. Потом они выдали по серии из нескольких мин.

Я повернулся к майору:

– Ну вот. Понеслось.

Майор Нету с любопытством поглядывал ко мне на экран планшета. Пусть смотрит. Сейчас мы устроим показательное уничтожение.

Противник был явно не готов к встрече с врагом, который настолько превосходит его технически. После прилета первых мин он только бестолково заметался. Когда дроны начали отстреливать всех, кто находился вне укрытий, часть боевиков попыталась спрятаться в окопах и за стенами блокпоста, часть – рванула в заросли, где птичкам сложно будет их поймать.

– Суслик, останови убегающих.

Тот положил пару мин на пути к леску. Трое бойцов упали, еще двое метнулись обратно к окопу. Один в панике рванул на минное поле и подорвался на своей же mine.

Теперь все выжившие сбились в кучки.

– Суслик, положи высокоточные мины в окопы и внутрь блокпоста.

Через десяток секунд в нужных местах вспухли облачка взрывов. Не дожидаясь моей команды, Суслик бросил еще одну мину, кумулятивную, на крышу блиндажа.

– Ждем, смотрим.

Дым от взрывов развеялся. Из блиндажа с трудом выбрались два человека. Выбрались, и попали под выстрелы дронов. Больше никого ни наши глаза, ни система целеуказания, не заметили.

– Всё, дальше вашим людям пора поработать, – передал я ответственность союзникам.

Майор кивнул, отдал приказ, из колонны выехали два БТР и направились вперед.

Они следовали точно по колею дороги – опасались мин на обочинах.

Потом мы обнаружили на блокпосте подрывные устройства, которые могли взорвать мины направленного действия и фугасы, заложенные вдоль дороги. Сами мины революционеры нашли позже, при разминировании. Если бы мы не ликвидировали неожиданным ударом командира поста и большую часть боевиков, два передовых БТР вместе с экипажами погибли бы. И не только они.

Без потерь проведя зачистку поста и артиллерийской позиции, революционеры так обрадовались, что закричали от восторга и даже немного постреляли в воздух.

Нужно ли говорить, какой популярностью мы стали пользоваться после этого боя среди солдат Фронта?

8. Поход за золотом 1.2, долина Лукуги

За разгромленным нами блокпостом находился небольшой поселок. В своей прошлой жизни он был придорожной заправкой, окруженной несколькими домиками, брошенными контейнерами и остовами длинных грузовиков. Когда-то эта дорога была оживленной – ведь шоссе западнее уже существовало, а мост через Лукугу – нет. Так что весь поток транспорта на север должен был либо пройти по этой дороге и мост в городе Калемие, либо поворачивать на запад, на другой мост, который не только дальше, но и выводит на длинную извилистую грунтовку вместо асфальтовой дороги. Ездить по грунтовкам в сезон дождей – занятие рискованное и неприятное.

Так что в прошлой жизни тут была оживленная дорога. Но это было давно.

Сейчас поселочек имел единственное предназначение – он обслуживал пост боевиков. Несколько десятков женщин ютились в длинных бараках. Они копались на своих огородиках. Половина молодых женщин была беременна. Остальные, наверное, тоже, просто живот еще незаметен. Дети постарше помогали матерям, младшие носились бандами по окрестностям.

В дощатой казарме нашлось несколько подростков с автоматами. Это были рекруты-новички. Они сдались без боя.

Один из командиров Фронта пообщался с ними. О чем – мы не понимали, говорили на суахили или каком-то другом языке банту. Наш автоматический переводчик традиционно нес отрывочный бред. Подростки время от времени, в ответ на вопросы революционера, синхронно кивали или крутили головами.

– О чем они? – спросил я у Нету.

– Рекруты еще никаких преступлений не совершали, сидели в деревне, охотились на реке и ловили рыбу. Согласны работать на нас, если мы их примем. Хоть бойцами, хоть как.

– Примете?

– Пусть остаются в деревне, продолжают охотиться. Малы они еще воевать.

Потом революционер пообщался с женщинами. Объяснял им новые правила. Они теперь под защитой революционного Фронта, их больше не обидят, грабить и насиловать теперь нельзя, мужчины смогут оставаться в поселке и охотиться, голодать не придется.

Женщины выглядели скорее озадаченными, чем счастливыми. Они не очень понимали, зачем им мужчины в поселке, если этим мужчинам нельзя их насиловать. Маниок они и сами выращивать могут, им для этого мужчины не нужны. А вот с кем они будут делать детей теперь? И откуда появятся деньги на красивые ткани и инвентарь? Революционеры объясняли.

Проблема «откуда брать деньги» оказалась непростой. Таскать на продажу муку из маниока за сорок километров без транспорта не получится. Транспорта нет. Водителя тоже нет. Другой работы кроме сельского хозяйства и охоты в деревне нет и быть не может.

Наши союзники оставили в деревне один из пикапов, оставшийся от боевиков.

Объяснили, что можно идти искать работу в городе и на горнодобыче.

Пообещали, что пока их люди будут разминировать местность, они научат подростков водить машину.

Да, и в церковь можно будет в город ездить, но по очереди. Вся деревня в один пикап не поместится. Да, не больше двадцати взрослых человек за раз, если ехать медленно и держаться. А с грузом – меньше. А детей – сколько влезет, но чтобы не выпадали по дороге.

Объяснили, что те бойцы, которые останутся в деревне, пока не вывезут оружие и не снимут все мины, будут спать с женщинами, если те захотят. И мужчины тоже должны захотеть, да. Все должны захотеть, и тогда можно спать. А если кто-то из двоих не хочет, то нельзя.

Нам всё это Антонио переводил. Малышка хихикала. А я запоминал, потому что рано или поздно мы тоже столкнемся с проблемами подшефного населения. Надо представлять, какими они бывают, эти проблемы, и как с ними справляться.

Пока революционеры общались с местными и осваивались на новом месте, нас потревожила армейская разведка.

Наблюдение: – Из Ниамбы вышел отряд, движется в вашем направлении по долине. Примерное время прибытия – через полтора часа.

Ниамба – это крупный поселок, где наша грунтовка, идущая вдоль реки, соединяется с шоссе. Километров пятьдесят от нас.

В колонне, которая к нам шла, были: старый танк; три БТР с пятнами ржавчины; две самоходные пушки на колесном шасси; два пикапа с пулеметами; два грузовика, набитые солдатами. Серьезные силы. Очевидно, где-то впереди есть пост, откуда слышали стрельбу и сообщили командованию в Ниамбу. А может, деревенские сообщили. Командование гарнизона получило сигнал, связаться с отрядом заграждения не смогло, и послали боевую группу разбираться, что случилось.

Я сказал майору о том, что мы ждем гостей.

Он предложил, раз есть время, пообедать. Спросил, что делать бойцам Фронта во время боя.

Я посоветовал вывести бойцов из деревни. Потому что кто-то из жителей может по связи сообщить, где мы стоим, а противник возьмет и снесет деревню артиллерийским ударом километров с двадцати. И мы пострадаем, и местных жалко.

Мы передвинулись на километр вперед. Поворот русла реки спрятал нас от взгляда деревенских. Для уверенности, что наблюдатели не пошли за нами, мы подвесили над холмами квадрокоптер: функция распознавания целей, включенная в наших системах, может не заметить неподвижного человека в зарослях, но движущегося – заметит.

Я решил, что сейчас подходящее время, чтобы устроить показательное уничтожение колонны на марше.

Толстяк повел вперед летающее крыло.

Суслик стал расчехлять «Град».

Бойцы Фронта заинтересовались, столпились вокруг установки РСЗО.

Прошло минут двадцать, пока я слышал от Толстяка:

– «Зайчик» на месте, есть захват целей.

До колонны оставалось километров тридцать.

Я зашел в машину поддержки БПЛА, там экраны большие. И майора Нету позвал. Пусть видит. И еще двух офицеров, которые за нами увязались, не стал выгонять, когда они из любопытства сунули свои носы.

– Суслик, твои предложения?

– Две кассетные высокоточные. Одну с кумулятивными БЧ, вторую – с осколочными.

– Согласен. Огонь.

Две ракеты из пакета ушли.

Бойцы Фронта замерли, ожидая продолжения. Они думали, русские сейчас ка-а-ак выпустят залпом весь пакет! И ракеты так «вш-ш-ш-ш, вш-ш-ш-ш». Шум, пламя, весело! А ракет всего две. Зрители разочаровались даже.

Всего две – потому что ракеты денег стоят.

Еще одна причина использовать минимум – психологическая. Мне хотелось показать союзникам, что можно сделать всего двумя ракетами. С намеком, что в пакете их сорок, и еще

два пакета в машине зарядания видны. И в кузовах траков боеприпасы найдутся. Пусть боятся и уважают.

Ракеты долетели. На экране было хорошо видно, как две цепочки разрывов вспухли сначала на крышах бронетехники, потом – в остальных машинах.

Танк и одно самоходное орудие просто разнесло в клочья. Сдетонировали боеприпасы.

Вторая самоходка выдала из люков факел пламени, который быстро разросся и превратился во вспышку взрыва, сорвавшую башню и отбросившую ее на пару десятков метров. Произошло возгорание пороховых зарядов.

Пикапы превратились в металлолом.

Остальная техника просто встала.

Выжившие, раненные и контуженные, выбирались из грузовиков и бронетранспортеров. Кто-то сразу разбежался в панике.

Колонна боевиков перестала быть военной силой.

– Как-то так, – удовлетворенно сказал я, когда дым развеялся, и результат удара стал четко виден.

Сказал, и бросил взгляд на союзников.

Союзники сидели с открытыми ртами. Даже майор Нету, человек тертый и опытный, не мог быстро прийти в себя от увиденного.

Я не стал им говорить, что такая красочная картина получается далеко не всегда. Впрочем, какая разница? Взорвется боекомплект, или нет – машина всё равно будет непригодна к использованию, и экипаж пострадает.

Дорога до места разгрома колонны оказалась скучной.

Вокруг – склоны гор и редколесье. Справа от дороги виляет река. Там процветает жизнь – птицы, крокодилы, бегемоты.

Дорога однообразная и безлюдная.

Проехали по хлипким мостикам через десяток обмелевших ручьев, спускающихся с гор и впадающих в Лукугу.

У одного мостика стоял пост. Двое боевиков и пикап с пулеметом. Уничтожили на расстоянии из миномета.

Не останавливаясь, прокатились мимо давно заброшенной фермы.

Добрались до небольшого поселка. Несколько кирпичных домов и десятка два хижин. Остановились. Бойцы Фронта прошли по деревне, проверили дома. Нашли несколько боевиков. Те сдались.

Майор Нету почесал затылок, а потом дал команду отдать этих боевиков местным жителям. Связанными и без оружия. Местным виднее, кому жить, а кому умирать. Местные быстро разобрались. Двоих мальчишек, новичков, пощадили, остальных просто забили палками насмерть.

На месте разгрома колонны осталось несколько раненых. Те, кто мог самостоятельно передвигаться, разбежались, а тяжелых бросили.

Бойцы Фронта прошли вокруг, всех добились. С пленными тут возиться не любят, да и куда их девать? Трофеи собрали. Нам это старье не интересно, а революционерам вполне подойдет.

Мы не вмешивались.

Опять потянулась однообразная дорога.

Добрались до небольшой деревушки, ужасно бедной. Там даже поста не было, только два десятка хижин.

Проверили дома. Нашли двоих подростков с оружием. Оказалось – местные, охотники и защитники. Вообще, тут автомат в хижине – не редкость. Не так, как у скотоводов Судана, где у каждого мужчины есть старый «Калаш», но всё равно много.

Майор с краткой речью о смене власти выступил.

Дальше поехали.

Еще одна такая же деревенька попала по дороге. Опять остановка, проверка, подростки с автоматами, разбирательство, краткая речь.

Разнообразие случилось километров за двадцать до выхода на шоссе. Там находился поселок покрупнее, и в нем – пост на въезде и казарма с боевиками.

Революционеры уже надеялись, что мы опять совершим чудо и очистим поселок без их участия. Но я обманул их ожидания. Объяснил майору, что обстреливать хижины не буду, и зачисткой их им придется заниматься самостоятельно.

Чтобы немного облегчить им работу, скомандовал Суслику подвести «Черепаху» с пулеметом. Она уничтожила постовых, вкатилась в деревню и прижала огнем разбегающихся из казармы боевиков. За ней въехали БТР революционеров, они завершили разгром. Дальше началась проверка домов.

И опять – суд над пленными, казнь, речь, небольшой отдых.

Следующая деревенька была бедной даже на фоне остальных. Хижины совсем крошечные, только чтобы лежанка поместилась. А вокруг – широкие поля. Оказалось – это что-то вроде поселения рабов. Они для боевиков выращивают бататы, кофе и маниок, а их за это не убивают.

Мы практически добрались до выхода на шоссе. До Ниамбы осталось километров пять.

9. Поход за золотом 1.3, Ниамба, бизнес и личные дела

Я отвел наш транспорт с дороги в сторону – чтобы не торчать в пристрелянном месте, если по нам попытаются ударить артиллерией.

Остановились. «Солнечного зайчика» отправили вперед, смотреть, что нам угрожает.

Локатор «Панциря» засек в воздухе чужой квадрокоптер. Подождали, пока он доберется на расстояние уверенного поражения, сбили его электромагнитным импульсом. Легкий аппарат, не имеющий никакой защиты, с выжженными цепями управления беспомощно поплыл по ветру.

– Господин Санта, – обратился ко мне Антонио. – Вы не могли бы помочь той группе, которая зачищала шоссе, ведущее на запад? Здесь недалеко, через реку от Ниамбы, большой поселок рабов, наши парни наткнулись там на сопротивление. Без вашей помощи будут большие потери.

Дальность позволяла, но не хотелось вести туда «Зайчика», а без наблюдения мы не сможем точно разметить цели. Хотя если цели неподвижные, то можно и по спутниковой карте...

– Куда бить?

Майор показал на экране три дома, уточнил что-то по радио, указал точку, где стоит пулемет. Я пометил маркером эти точки.

– Суслик, видишь отмеченные мной точки на том берегу? Отправь туда осколочные мины. Только сначала миномет отгони в сторону метров на пятьсот. Вдруг у них средства локализации артиллерии работают.

– Понял, выполняю.

Взрывов мы в реальном времени не видели, спутниковые снимки обновлялись слишком медленно. Увидели результат. Пара домиков частично разрушены. Пулеметная ячейка вроде на месте, а жив ли пулеметчик – не поймешь.

– Что там говорят ваши бойцы?

– Всё, говорят, стрельба прекратилась. Они пошли вперед.

– Суслик, закончено, гони миномет к нам.

«Зайчик» летал над Ниамбой и двумя прилегающими небольшими поселками. Толстяк времени не терял, пометил для уничтожения несколько целей: пикапы с пулеметами или безоткатными орудиями, посты на въездах, большой дом, вокруг которого бродили вооруженные парни. Из дома какие-то люди выносили чемоданы и грузили их в машины, стоящие перед ним.

– Командиры бегут, – заявил скучающий Будда, заглядывавший мне через плечо.

– Думаешь?

– Уверен. У кого сила, у того и власть. У кого власть – у того самый красивый дом, дорогой автомобиль и много вещей.

– Это ты намекаешь, что командиры – приоритетные цели для удара?

– Как бы да. Правда, они с собой могут жен и детей потащить. Если у них они есть.

Жен и детей у командиров не оказалось. Или они просто не сочли нужным их забирать, понадеявшись найти в новом месте новых жен. В машины загрузились несколько человек в приличной, по сравнению с окружающими, одежде, и их охрана.

Я не удержался, пометил машины, как цели, и дал команду Суслику. Машины накрыла россыпь разрывов. Немногие раненые спрятались в доме. Тела остальных остались в машинах. Никто никуда уже не ехал.

– Суслик, уничтожай все подходящие цели, – минометы ритмично заработали. Я продолжил наблюдать.

Когда на виду не осталось больше ничего, достойного удара, я повернулся к Антонио:

– Всё, дальше вы.

Майор кивнул.

Потом я добавил:

– Я вам дам в помощь две «Черепахи» с пулеметами, в застройке помогут подавить гнезда сопротивления

Суслик передал управление этими машинами Пинку и Дублону. Большие потери среди союзников нам не нужны, лучше помочь им. Да и наши штурмовики соскучились уже без дела.

Зачистка прошла без эксцессов.

Сначала союзники взяли под контроль небольшой поселок, примыкающий к Ниамбе с востока, отделенный от нее притоком Лукуги.

Потом при поддержке «Черепак» перешли мост через приток, стали чистить дома Ниамбы.

В большинстве мест сопротивления не было, там присутствовали только женщины и дети. Где-то боевики просто сдались. Пару домов, из которых пытались отстреливаться, превратили в решето.

В хлипкой застройке пули пробивали дома насквозь, почти не замечая стен, так что среди мирных жителей тоже были раненые, не так много, но были. Малышка потом оказала им помощь.

Не затягивая надолго, революционеры провели народный суд для пленных.

«Народный» – в том смысле, что по большинству пленников решение принимали жители поселка. Жительницы.

Сначала, для затравки, выяснили, кто командовал гарнизоном. Из офицеров выжил только один. Его тут же показательно расстреляли.

Затем стали выводить пленников по одному и интересоваться у публики, достоин ли этот человек жить.

Некоторых женщины готовы были рвать на куски. Таким практично прострелили головы, не откладывая надолго.

У некоторых боевиков нашлись защитницы, причем довольно активные. Видно, какие-то постоянные и обоюдовыгодные связи между боевиками и жительницами поселка были.

Забавная история случилась с одним боевиком: у него нашлась активная защитница и не менее активная противница. В процессе дискуссии женщины вцепились друг другу в волосы. Революционерам пришлось проводить более детальное следствие, опрашивать свидетелей. Оказалось, дама, требовавшая смерти боевика, – его брошенная содержанка и мать стайки его детей, а защитница – ее более удачливая молодая соперница.

Трибунал приговорил боевика к жизни. И обязал, под страхом расстрела, содержать брошенную семью.

Зачистка и разбирательство заняли время до вечера.

Мы отвели технику в сторону от жилья, я распределил дежурства и вышел из тела – ушел отдыхать.

Когда я уже нацелился посмотреть с Ириной какую-нибудь фантазию, постучался в связь директор нашего горнорудного филиала в Мокамбо.

Мужик был в панике. Ему в филиал подсунули медный карьер, отжатый у европейцев и подаренный нам мэром. Еще и склады всякие, но склады – то дело терпимое. А вот карьер – нет.

Казалось бы – карьером больше, карьером меньше – какая разница? Есть разница.

В нашей шахте трудятся роботы. И руду возят автоматические траки. И даже ту руду, которую мы скупаем в соседних деревнях, принимают роботы, а дальше она попадает в нашу обогатительную установку и идет в общем потоке. Вся информация доступна. Все работает по понятным правилам. Перенастройка производства делается удаленно.

На новом карьере трудятся живые люди. Местные живые люди, которые непонятно разговаривают, непонятно, чего хотят, непонятно, как ими управлять.

Посмотреть на карьер наш директор не может, потому что он в Сибири, а карьер – в Африке. Лично с рабочими пообщаться он не может, потому что у них нет коммов. Комм есть только у местного управляющего. Получается, вся информация может быть получена и передана только через него. А можно ли ему верить?

Я пообещал зайти завтра на этот карьер, посмотреть, поговорить, решить, что делать.

Директор предложил полностью автоматизировать разработку.

– Зачем? – задал я сакраментальный вопрос.

– Повысим эффективность.

– Финансовая эффективность упадет. Труд местных так дешев, что замена их роботами не только потребует больших вложений, но и никогда не окупится. Наши роботы стоят больше, чем руда, которую они нароют.

– Зато мы не будем эксплуатировать местных. Они работают за копейки на вредных и тяжелых работах, многие вручную. Портят свое здоровье.

– А чем займутся местные, если мы их уволим?

Директор замялся.

– Чем-то они занимаются там, кроме работы на карьере?

– Там два занятия – работа в шахтах и выращивание маниока. Выращивание маниока позволяет не умереть от голода. Но не более того, даже белков в пище крестьянам не хватает. Вы хотите, чтобы все население нашего протектората копалось в земле без шансов на образование и правильное питание?

Директор смутился. Потом сделал попытку найти выход:

– Если мы поставим новую технику, сможем на порядок увеличить объем добычи. Тогда мы сможем не только окупить роботов, даже содержать местное население за счет доходов от руды.

– Вы предлагаете превратить население в толпу бездельников, которые живут на всем готовом? Знаете, чем они будут заниматься?

– Развлекаться? – несмело предположил мой собеседник.

– У них нет коммов. Нет сети. Нет развлечений, кроме танцев, выпивки и секса. Они будут трахаться, как кролики, и плодиться. И пить самогон из маниока. Многие сопьются. Или пойдут резать соседей, просто потому, что им скучно. К нашим бездельникам набегут еще и со стороны, те, кто захочет сладкой жизни с бесплатными продуктами. И чем больше бездельников будет, тем сложнее нам будет их содержать и удерживать в разумных рамках. А потом из-за высокой плотности населения они передохнут от болезней.

– Вы считаете, что мы должны продолжать их эксплуатировать? – аргументы у директора кончились.

Было у меня подозрение, что он просто пытался оправдать перевод карьера в тот формат работы, который удобен и привычен лично ему, без живых людей.

– Да, мы сейчас ничего не будем менять. А потом начнем учить рабочих управлять техникой или строить дома. И повысим им зарплату.

Разговор закончился.

Завтра надо сходить, посмотреть, что там за карьер. Придумать, как сделать, чтобы местный управляющий не воровал и не превышал полномочий. И что-то думать о поиске нового директора для горнорудного направления. Этот не потянет, его придется оставить директором

нашей старой шахты. Он привык командовать роботами, с живыми людьми дела не имел. Где такого взять, который имел? Может, из местных?

Весь в задумчивости, я вывалился обратно в личную комнату, в объятия Ирины.

– Почему ты постоянно уходишь в закрытый режим, когда общаешься? – с подозрением поинтересовалась девушка.

– Это по работе. Секретность.

– У тебя почти все общение по работе и секретно. Это ненормально.

– Для общения, не связанного с работой, у меня есть ты.

Девушка потеряла воинственность.

– Всё равно, это ненормально. Вокруг тебя слишком много непонятого. А ты ничего не объясняешь. Меня это напрягает.

Я погладил Иру по спине. Надо что-то объяснить, да. Нужно быть очень доверчивой девушкой, чтобы всё еще считать, что я какой-то особо секретный дизайнер.

– Хорошо. Я тебя расскажу, что могу. Я не дизайнер. Я военный. Я управляю боевой техникой и команду небольшим подразделением.

– Но военных много, и такой секретности в их службе нет. Наоборот, каждый старается перед девушками распушить перья и показать, как он крут – умеет управлять танком или бегать с винтовкой по полигону.

– Я не просто служу, я участвую в боевых действиях. В реальных действиях. За границами нашего сектора. Это секретные операции, поэтому не могу тебе о них ничего рассказывать.

Ирина задумалась.

– То есть вот прямо участвуешь? И живых людей убивал?

– Да.

Смутилась.

– И много?

– Много. Я хороший убийца.

– И... как это? Убивать?

– Сначала переживаешь, пытаешься понять, как к этому относиться. Потом находишь ответы на все вопросы и успокаиваешься, дальше – это просто работа. Мы стараемся поступать справедливо и осторожно.

– Но это же неправильно. Люди не должны убивать.

– Как раз убивать – это нормальное состояние человека. Почитай историю. Всегда были те, кто убивал. И те, кто отдавал приказы убивать. Остальные им прислуживали и аплодировали. А если толпе дать хорошее оправдание и уверенность в безнаказанности – то пойдут убивать многие. Остальные будут смотреть и подбадривать криками.

– Ты страшные вещи говоришь. Люди не такие.

– Люди не такие, потому что их держат в клетках. Единственное, что может избавить их от агрессивности – необходимость все силы тратить на собственное выживание и борьбу за место под солнцем.

– Но были же поколения, которые войн не знали?

– Были. И эти поколения сами разрушали себя и свое общество. Потому что человек не умеет быть постоянно мирным и сытым. Ему надо за что-то бороться. Кто-то способен бороться за идею, но таких – единицы. Большинство тратят свою энергию на выживание или выплескивают ее, пытаясь получить больше, чем имеют. Получить что-то можно двумя путями, создать или отобрать. Мало кто может создать что-то значительное. А вот отобрать у соседа – могут все, особенно если собьются в группу.

Мы замолчали.

– Тебя пугает то, что я убиваю? – спросил я, когда молчание затянулось.

Ира задумалась над ответом.

– Нет. Если ты выбрал такую работу – значит, так надо. Я буду с тобой в любом случае.

– В печали и радости, богатстве и бедности, болезни и здравии?

– Да, – просто ответила девушка.

– Закончу одно задание, куплю нам дом. Или даже раньше.

– Правда? – глаза Иры заблестели, а на лицо непроизвольно выползла широкая улыбка.

– Правда. Я люблю тебя. Ты умеешь рожать мальчиков и девочек?

– Я тоже тебя люблю. Рожать не пробовала, но я обязательно научусь, – пообещала моя женщина и стала ластиться.

10. Поход за золотом 1.4, Ниенцу

Майор попросил нас задержаться в Ниамбе. Крупный поселок, надо было там обустроиться, провести митинг с жителями, объяснить им новые правила, власть какую-то организовать. И гарнизону дать возможность укрепить позиции: мы дальше пойдем по шоссе на запад, то направление очистим, а вот шоссе, входящее в поселок с юга, осталось непроверенным. Там тоже есть деревни и поселки, там тоже есть боевики. В том направлении надо держать серьезный заслон.

Я воспользовался этим временем, чтобы перейти в резервное тело, находящееся в деревне около нашей шахты в Катанге. Мне нужно было съездить на наш новый карьер, посмотреть.

Время выбрал, когда очередной транспорт шел забирать руду. Чтобы пешком не топтать. Сел, доехал с комфортом. Когда тело механическое – мягкие анатомические кресла необходимо не являются, сел на железку и сиди спокойно, лишь бы трясло не сильно.

Карьер ничем меня не удивил. Экскаватор снимал верхний слой грунта, дальше толпа рабочих вручную наполняла мешки породой и таскала их к бункеру обогащательной линии. Там порода измельчалась, проходила флотацию и фильтровалась. Содержание руды в породе было средним, может, пара процентов. Почти вся масса породы, измельченной и отработанной, сваливалась тут же, рядом. Установка была маломощной, питалась от дизельного генератора. Я сразу написал директору филиала, чтобы оценил, возможно ли протянуть сюда кабель от нашей электростанции. Она у нас компактная, но атомная. Так что мощность практически не ограничена. Мы купили ее недавно, чтобы убрать риски, связанные с поставками топлива. Заодно и подшефные деревни можно будет электрифицировать.

Оценив технику, я обратил внимание на людей. Они встали, с испугом смотрели на меня. Ну, еще бы – приехал на броневике, сам весь обвешан снаряжением и оружием, с закрытым забралом на лице.

– Кто тут главный?

Вышел мужичонка толстенький.

– Я управляющий.

– Я новый хозяин карьера. Зови меня Санта.

– Да, господин.

– Пока продолжайте работать, как работали. Подумай, что в работе карьера можно улучшить. С вами по связи уже связывался мой представитель?

– Да, господин.

Дал управляющему свой контакт, предупредил, что это для экстренных случаев, а так – пусть через директора филиала передает информацию.

Прошелся, осмотрелся.

Надо тут у входа поставить пулеметную вышку. Во-первых, как бы знак, что карьер наш и под защитой. Во-вторых – в комплект видеокамера входит, наш директор сможет поглядывать на работу карьера. Вдруг они левые машины тут грузить будут, или еще что удумают. Люди несовершенны. За ними приглядывать надо.

Предупредил управляющего, что теперь возить концентрат руды будем своим транспортом. Даже покупать ничего не надо, в промежутках между поездками на шахту уже имеющиеся траки сюда будут ходить.

Антонио Нету, пользуясь передышкой, пообщался с руководством Фронта в Анголе, попросил у них прислать бойцов и командиров. Те восприняли идею захвата новых территорий

с радостью, готовы были помочь. Но переправить вооруженный отряд в пару тысяч стволов через Замбию не могли – там смотрели сквозь пальцы на перемещения малых групп, но не готовы терпеть целую армию.

Я предложил попробовать переправить напрямик через Катангу. Дорога из Анголы в провинцию прямая и хорошая, внутри провинции тоже дорожная сеть неплоха. Осталось договориться с правительством Лубумбаши.

Связался с губернатором. Объяснил ему, что есть у нас союзники, которым надо проехать через его земли. Намекнул, что это будет первый дружественный шаг, а в будущем эти ребята могут стать и его союзниками. Очень важными союзниками. Пообещал, что в дороге парни будут вести себя хорошо, а иначе я сам их накажу.

Уговорил.

Губернатор согласовал с майором протокол взаимодействия. Ангольцы въезжают в провинцию и следуют через нее одной колонной, их встречает и провожает полиция, маршрут идет в обход Лубумбаши. В дороге с местными ведут себя прилично, никого не грабят, не насилюют и не убивают. От такого требования майор даже оскорбился слегка. Стал доказывать, что они не бандиты, а революционеры. Губернатор согласился, хотя по глазам видно было – разницы между бандитами и революционерами он не видит.

Если всё пройдет по плану, бойцы придут дней через пять. Хорошо.

День прошел полезно и без стрельбы. И закончился приятной ночью.

Ирина после прошлого разговора была загадочной, слегка развратной и особенно ласковой.

А утром мы двинулись дальше.

Шоссе проходило по холмистой пустоши, местами на ней встречались рощицы. Саванной это назвать было нельзя – трава другая, и деревья не зонтичные, а обычной формы. Мы были в зоне влажных лесов, но из-за значительной высоты над уровнем моря растительность была беднее, чем на плоских равнинах.

Проехали какие-то брошенные карьеры.

Потом – небольшие деревеньки. Сопrotивления нам там не оказали.

Потом – еще одна деревня, в которой вдоль дороги выстроились маленькие, метра три в длину, домики. И еще две такие же мелкие бедные деревушки. Нигде не было вооруженных постов. Им там просто нечего было охранять.

Постепенно растительность становилась гуще, и мы въехали в настоящие леса. Впрочем, иногда они прерывались широкими проплешинами.

Первых вооруженных людей мы встретили километрах в пятнадцати от Ниамбы. Несколько испуганных подростков с автоматами в небольшом поселке. Они сдались без сопротивления, когда увидели подъезжающие БТР революционеров. Мы огонь не открывали, вообще никто огонь не открывал. В этом поселке оставили небольшой пост и двинулись дальше. Задерживаться для общения с местными и суда не стали. Постовые пусть этим занимаются.

Здесь, в лесистой местности, поселки выглядели богаче, дома большие, добротные, хоть и дощатые.

В одном из таких поселков мы столкнулись с сопротивлением. Головное охранение бойцов Фронта обстреляли из автоматов какие-то подростки. Обстреляли и сбежали в лес. Мы оставили там группу бойцов, два десятка человек с БТР. Десяток останется в поселке гарнизоном, второй – поищет сбежавших партизан, если найдет и уничтожит – догонит основные силы. А не догонит – будет играть роль группы реагирования на этом участке дороги.

Так мы и продвигались. Кое-где союзники оставляли небольшие посты, кое-где вступали в мелкие перестрелки.

Мы в бой не вступали. Смысла не было. Да и мало чем могла помочь наша техника, когда вокруг леса, а противники убегают в них и прячутся.

После длинного лесного участка, где людей вообще не было, дорога вышла на хребет пологой гряды. И вот там, в очередной деревне, мы опять встретили сколько-нибудь серьезные силы. Пост с парой внедорожников и пулеметом, десяток бойцов. Чтобы не задерживаться, мы сходу обстреляли их из миномета, потом бойцы Фронта дочистили деревню.

Чуть дальше той деревни мы остановились.

Я пустил вперед «Солнечный зайчик».

До перекрестка с другим крупным шоссе осталось меньше десяти километров. Там находился поселок, и напрашивалась мысль, что в этом поселке должен стоять гарнизон, контролирующий перекресток. А чуть дальше находился городок, Ниенцу. Не то, чтобы крупный, но магазины там были, гостиница, церковь, больница, школа, аэродром даже. В городке, очевидно, тоже должны были находиться какие-то военные силы.

– Ну что там? – подсел ко мне майор Нету.

Я поводил курсором по экрану:

– Поселок небольшой. Обычные для этой местности домики. Только вот эти два здания выделяются. Около них какие-то вооруженные люди. Очевидно, тут и расположен пост. Удобно – прямо у перекрестка. Даже простреливать наше шоссе из окон могут. Да, они знают, что мы приближаемся, заняли огневые точки.

– Какой план?

– Еще чуть ближе подойдем, чтобы уверенно накрывать дорогу к Ниенцу, чтобы отсечь помощь. Выпустим несколько мин по зданиям, крыши там жестяные, должны пробить. Вы двинете вперед БТР, мы поддержим парой «Черепях» и дронами. Пока вы будете чистить поселок, мы перекроем огнем дорогу и выьем огневые точки в городке. Закрепимся на перекрестке, двинемся к Ниенцу.

– Сейчас?

– Да, чего тянуть?

БТР-ы революционеров в сопровождении двух «Черепях» двинулись вперед.

Суслик уже привычно отогнал в сторону и чуть вперед минометы, чтобы по нам не прилетело ответным огнем.

Толстяк поднял в воздух дроны, ими управляли Малышка и Пинок, самые быстрые среди нас стрелки.

Будда размечал цели.

– Начали.

Серия мин ушла. Через несколько секунд здания и огневые ячейки накрыла россыпь разрывов.

– Переставляй минометы, – противник насторожен, вдруг у них в городке уже стоит заряженная артиллерия и работает система локации выстрелов?

Суслик перегнал машины на другое место.

Я угадал. В то место, откуда стреляли минометы, через минуту прилетел снаряд гаубицы. Мы пока не могли с ней ничего сделать, «Зайчик» висел над перекрестком и дорогой, городок не просматривался.

Толстяк взял управление «Черепяками», накрыл пулеметным огнем окна зданий.

Дроны начали охоту за разбегающимися, под прикрытием домов, боевиками.

– Суслик, дорога, – там почти сразу появилось подкрепление, два БТР и пикапы с пехотой.

Минометы отправили мины по ним. Суслик не пожалел высокоточных, ими бить по подвижным целям гораздо сподручнее.

– Перегоняй минометы! – напомнил я.

Опять прилетело от чужой гаубицы. Опять далеко от нас, в пустоту.

Я подождал пару минут. БТР высадили бойцов Фронта, те вошли в поселок и направились к зданиям. Помощь «Зайчика» там больше была не нужна, у «Черепак» и дронов есть свои камеры для выбора целей. Иногда они менее удобны, но работать через них можно.

– Я веду крыло в сторону Ниенцу, – предупредил я остальных.

Когда городок вполз в пределы экрана, куда транслировалось изображение с камеры «Зайчика», Будда начал искать цели. В первую очередь мы искали ту гаубицу, которая нас пыталась нащупать. Нашли.

– По перекрестку бьет артиллерия! – поторопил меня Нету.

– Суслик, убей пушку.

– Сделано, – после паузы на месте орудия расцвел взрыв. Большой взрыв, видно боеприпасы рванули.

Я глянул на спутниковой картинке, что там натворила пушка на перекрестке. Она положила снаряд на дорогу, по которой мы приехали. Чуть ошиблась, наша головная группа проскочила дальше места попадания.

– Толстяк, есть повреждения у техники?

– У нас нет. У союзников раненые есть. У мирных два дома снесло.

Два дома – это много. Там одних детей может десяток быть, а то и больше.

– Малышка, оседлай броневик, доедешь до перекрестка, окажешь помощь.

Девушка рысью перескочила на другую машину и укатила на ней.

В это время Будда, не отвлекаясь, искал цели в городке, а Суслик их уничтожал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.